
Императрица
Юлия Белова

Юлия Белова

Императрица

«Автор»
2026

Белова Ю.

Императрица / Ю. Белова — «Автор», 2026

Анна — Повелительница, чья судьба складывается не по её воле. Покинув Аркахаллу, она устремляется навстречу неизвестности, ещё не ведая, что боги избрали её для великой миссии. Сама Анна не жаждет ни пророчеств, ни бремени избранности — ей ближе простой выбор и право решать за себя. Но от судьбы не уйти: знаки множатся, испытания проверяют на прочность, а прошлое неотступно следует по пятам.Путь к заветной цели наконец завершён: обидчики получили по заслугам, давние счёты сведены. Впереди — переломный миг, когда нужно решить, куда ступить дальше. Есть ли шанс обрести тихое женское счастье рядом с любимым человеком — или долг и предназначение вновь потребуют отказаться от личного ради общего блага? Сможет ли Анна совместить в своей жизни любовь и власть, стать не только счастливой женщиной, но и первой в истории императрицей, сумевшей удержать в равновесии два столь разных мира? Её выбор определит не только собственную судьбу, но и будущее целой империи.

© Белова Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 29
Глава 3 54
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Юлия Белова
Императрица

Глава 1

Вечер в кабинете Повелительницы Аркахаллы тонул в трепетном свете свечей — их пламя дрожало, отбрасывая на стены причудливые тени, будто шепчущие о грядущих бурях. В этом полумраке собрались самые преданные люди Анны — те, кто прошёл с ней сквозь все испытания, кто без колебаний отдал бы за неё жизнь и ради кого она сама была готова на любые жертвы.

С самого утра Анна не знала покоя: подгоняла последние дела, лихорадочно набрасывала план будущего, раздавала указания, словно пыталась удержать ускользающий порядок. Она готовилась покинуть это место — и лишь когда всё было приведено в безупречную готовность, решилась на тяжёлый разговор, тяжесть которого ощущалась в каждом её движении.

— Ты что?! — первой, как и следовало ожидать, взорвалась Нина, голос её раскатился по комнате, словно удар грома. — Феру, держи меня, или я сейчас настучу по этой дурной голове!

Бывшая наложница пылала гневом — в её глазах метались искры, а пальцы сжимались в кулаки. Тавер, стоявший рядом, осторожно обхватил её за талию: он знал, что в таком состоянии Нина способна на всё. И не зря — девушка и правда дёрнулась в сторону Повелительницы, будто сама судьба требовала немедленного возмездия. Ферухе, к которой взывала Нина, и не думала её сдерживать: в её взгляде читалось, что она с радостью присоединилась бы к расправе. Мысль о том, что их Повелительница собирается отправиться на войну, казалась им немыслимой, абсурдной, почти кощунственной.

— Я не буду стоять в стороне, — спокойно, но твёрдо произнесла Анна, и в её голосе не было ни тени сомнения. — Это идеальная возможность осуществить то, к чему я шла столько лет. Вы все прекрасно знаете: в подобных ситуациях моя главная цель — минимизировать потери с нашей стороны. Это не безрассудство — это расчёт. И это мой шанс.

Ферухе лишь возвела глаза к тёмному потолку, словно взывая к небесам:

— О боги, дайте мне терпения…

Молчаливый Сайс, всегда находивший выход из любой неловкости, тихо подал девушкам стаканы с успокоительным настоем. Воздух тут же наполнился терпким ароматом мяты, смешавшимся с запахом воска и старого дерева. Ферухе осушила свой стакан одним большим глотком, будто пыталась смыть с себя остатки потрясения. Нина, напротив, пила осторожно, маленькими глотками, словно каждое мгновение теперь требовало от неё предельной сосредоточенности. Лишь Чоксо оставался невозмутимым — его спокойствие было подобно тихой гавани в бушующем море, и именно оно придавало Анне сил, напоминая, что среди бури есть точка опоры.

Вдруг Нина резко подняла руку, требуя тишины. Все замерли, жадно глядя на неё, будто от её следующих слов зависела сама судьба мира. Тавер чуть крепче сжал её талию, мысленно благодаря себя за то, что вовремя проявил предусмотрительность.

— Погодите, погодите… — пробормотала Нина, и в её голосе вдруг прозвучало не столько возмущение, сколько озарение. Она застыла, переваривая какую-то мысль, а затем её глаза широко раскрылись. — Ты! — вскрикнула она, резко подавшись вперёд. Тавер мысленно похвалил себя за хватку: будь он хоть на миг невнимательнее, Нина наверняка бы бросилась на Повелительницу, осыпая её «воспитательными» пинками. — Это ведь всё твоих рук дело?!

Даже меня одурачила! Ах ты, маленькая, хитрая… Склоняю голову перед твоим коварством. Надо же было так всё обставить!

Ферухе и Сайс переглянулись — в их взглядах мелькнуло подозрение, которое тут же сменилось ошеломляющим пониманием. Они посмотрели сначала на невозмутимую Анну, потом на Нину, и вдруг всё встало на свои места: недавние события проносились в их памяти, складываясь в единую картину, словно кусочки мозаики, которые наконец нашли своё место. Ферухе схватилась за сердце, будто её вдруг пронзила острая боль от осознания истины. Сайс вскочил на ноги, не в силах сдержать эмоции, — стакан выскользнул из его пальцев и с глухим стуком упал на пол, разлетевшись на осколки.

— Так это действительно правда?! — выкрикнул он, голос его дрожал от смеси гнева и изумления. — А не слишком ли… всё это?

Анна встретила их потрясённые взгляды спокойно, без тени раскаяния.

— Я не понимаю, почему вы все так удивляетесь, — произнесла она твёрдо, и в тишине кабинета её слова прозвучали особенно весомо. — Вы были со мной всё это время. Вы знали, ради чего я всё это делаю. И вы всегда знали, что ради достижения цели я готова пойти на всё.

— Нет, ну лично я ничего не имею против, — искренне произнесла бывшая наложница, слегка склонив голову, будто отдавая дань уважения чужой изощрённой хитрости. — Напротив, склоняю голову перед твоей коварностью и ловкостью. В этом ты превзошла всех нас.

Анна держалась с поразительным хладнокровием — со стороны могло показаться, что происходящее её едва ли трогает. Её поза была расслабленной, голос — ровным, почти безразличным. Но тот, кто умел замечать детали, не пропустил бы, как побелели костяшки её пальцев, вцепившихся в подлокотники кресла, словно она пыталась удержать саму себя от порыва вскочить и закричать.

— Нет уж, дудки! — фыркнула Нина и демонстративно скрестила руки на груди, будто возводя невидимую стену упрямства. — Хватит с меня того, что в Варгалу и Левинию вы ездили без меня! Теперь не отвертитесь — я в деле. И точка.

— На меня даже не смотри, — коротко отрезала Ферухе, гордо вздёрнув подбородок. — Это даже не обсуждается.

Сайс не проронил ни слова, но его взгляд говорил громче любых клятв. А Чоксо… о нём и вовсе не стоило беспокоиться: он последовал бы за Анной хоть на край света, хоть в самую преисподнюю — и сделал бы это без лишних слов, просто потому, что иначе не умел. Анна, хоть и не подавала виду, ощущала в груди тёплое, почти невесомое чувство благодарности — за эту слепую веру, за преданность, которая не требовала доказательств.

— Но кто-то же должен остаться, чтобы присмотреть за всем здесь, — вновь попыталась она мягко отговорить друзей, будто надеялась, что на этот раз доводы окажутся весомее эмоций.

— Да ладно, ты ведь уже обо всём позаботилась, правда? — хмыкнула Нина, и в её голосе прозвучала не насмешка, а скорее восхищение чужой предусмотрительностью. — Конечно же позаботилась. Тут и сомневаться нечего. По пути сюда я встретила взмыленного секретаря — загрузила бедолагу работой по самое горло. И Магнеш как раз вовремя воскрес… — она на мгновение замолчала, задумчиво вглядываясь в лицо Анны. — И ведь даже это… Знаешь, я начинаю тебя бояться. Так, о чём это я? Ах да. Все министры под клятвой. Если вдруг кто-то додумается испытать судьбу — прикажи Дэнизу его обезглавить, и дело с концом. Но ты ведь и это уже сделала, да?

Анна промолчала. Её молчание было красноречивее любого признания. Поняв, что этим тихим безмолвием Повелительница подтвердила все их догадки, Нина снова выругалась — коротко, с досадой, будто злилась не на Анну, а на собственную проницательность.

— Прошу прощения, — подал голос Тавер, до этого хранивший молчание. Его голос прозвучал неожиданно громко в этой напряжённой тишине. — Но что, во имя всех богов, здесь происходит?

И, возможно, зря он напомнил о себе. До этого момента Нина, казалось, вполне уютно чувствовала себя в его объятиях — словно тяжесть чужих рук на талии была ей даже приятна. Но стоило ему заговорить, как она вздрогнула, будто её окатили ледяной водой. Опустив взгляд на его руки, она сердито фыркнула, словно разъярённая кошка, и резко отпрянула, разрывая контакт. Щёки её вспыхнули стыдливым румянцем, но в этот раз никто не обратил на это внимания — даже сам Тавер. Его взгляд был прикован к Анне, полный растерянности и тревоги.

— Вы все ведёте какую-то игру, и один только я ничего не понимаю, — продолжил он, и в его голосе послышалась горькая обида. — И знаете, мне это до жути не нравится.

Нина хмыкнула. Ферухе слегка покраснела, будто ей стало неловко за всю эту сцену, а Сайс отвёл взгляд, уставившись в тёмный угол комнаты.

— Не дорос ещё, — огрызнулась Нина, но в её словах не было настоящей злости — лишь привычная колкость, ставшая почти лаской.

— Нужно признать, что он уже стал одним из нас, — спокойно заметила Анна, и её голос прозвучал как окончательное решение, не терпящее возражений.

— К тому же он под клятвой, — тихо добавила Ферухе, словно это было самым важным аргументом из всех.

— Ну, не знаю, — не унималась Нина, но все понимали: это уже не недоверие, а просто её способ держаться на расстоянии, не показывая, как сильно она привыкла к нему. — Лично я до сих пор ему не доверяю.

Но в комнате повисла тишина, в которой все без слов признали: Тавер действительно стал частью их маленькой, сплочённой команды. И потому Анна решилась — она раскрыла перед ним свою историю, обнажила ту часть своей души, которую берегла пуще жизни.

Тавер был… удивлён. Это было слишком слабо сказано. Он был потрясён до глубины души. Его рука непроизвольно взметнулась вверх и взъерошила волосы на затылке, будто он пытался привести в порядок не причёску, а собственные мысли. Первым вопросом, который сумел сорваться с его губ, был:

— Известно ли об этой тайне вашему королю?

Анна ответила честно:

— Об этом знают лишь те, кто сейчас находится в этой комнате, и генерал Тадж. А ещё — ты. Но помни о клятве, которую принёс, и о том, что ждёт того, кто посмеет её нарушить.

Тавер медленно склонился в почтительном поклоне, и в этом движении было не только уважение, но и признание чего-то большего — признание её власти, её силы и той невероятной ноши, которую она несла.

— Спасибо вам, светлейшая, за доверие, — проговорил он тихо, и в этих словах прозвучала вся его благодарность, вся его готовность стоять рядом, даже если впереди их ждала неизвестность.

Повелительница чутко уловила эту перемену: за привычной маской беззаботности, которую Тавер так ловко носил, в этот миг проступила чистая, неприкрытая искренность. И Анна поняла — он не играл, не пытался казаться храбрее или равнодушнее. Он действительно был здесь, целиком и полностью, со всеми своими сомнениями и страхами.

Тогда она заговорила — не спеша, будто каждое слово приходилось вынимать из самых тёмных уголков души. В общих чертах она обрисовала свой замысел, и в тишине кабинета эти слова прозвучали как приговор. Многолетняя игра, сплетённая из тысяч мелких ходов, из взглядов, намёков, тайных распоряжений и предательств, сводилась к одной беспощадной цели: низвергнуть короля Астарина Григориана Лиффинстена в бездну отчаяния.

Анна хотела, чтобы он познал ту самую пустоту, которая когда-то поглотила её семью. Не просто лишиться власти — нет, этого было бы слишком мало. Она жаждала, чтобы Лиффинстен прочувствовал каждую ступень падения: чтобы от него один за другим отворачивались союзники, будто он уже стал призраком, тенью прежнего владыки; чтобы он терял страну — кусок за куском, как теряют кровь, капля за каплей; чтобы утратил семью, людей, доверие тех, кто клялся ему в верности; чтобы с его головы сорвали корону, а из рук вырвали трон.

Она хотела видеть, как рушится его мир — медленно, неотвратимо, жестоко. И только когда он до дна испьёт чашу унижения и потери, только тогда она сможет сказать, что долг перед родными исполнен, что их боль наконец нашла свой отголосок в боли того, кто всё это устроил.

***

Они достигли Оттаморы на закате — в тот час, когда небо наливалось густой багрянцем, а тени становились длинными и зловещими. Путь их пролегал через торговую площадь, и Анна едва узнала это место. Прежде здесь кипела жизнь: над площадью витал густой запах пряностей и кожи, звенели монеты, зазывалы выкрикивали хвалебные речи, расхваливая «товар», а на помостах стояли рабы — испуганные, но ещё не утратившие робкой надежды. Теперь же площадь была пуста, словно её вымели не только от людей, но и от самой памяти о прежней суете. На помостах больше не теснились люди, не слышалось криков, не звенели кошельки. Тишина лежала на площади тяжёлым покрывалом. Это было первое и непреложное условие Анны: пока Джэбрал не примет этот запрет, он не станет властелином этих земель.

Сама не заметив того, Анна свернула на единственную дорогу, намертво врезавшуюся в её память. Она вела к одному из дворов — ничем не примечательному на первый взгляд. Такой же просторный двор, множество построек, а в центре — большой двухэтажный дом из красного кирпича, где прежде жил хозяин. Всё здесь было знакомо до боли, до щемящего чувства в груди, которое Анна старательно прятала за маской холодной решимости.

Она знала, что Тиэл Вижна больше нет в живых — об этом позаботился Ардэн. Но кто теперь стоял во главе этого места? Этот вопрос висел в воздухе, тяжёлый и неотступный.

Спешившись, отряд замер напротив деревянных ворот. Ферухе и Нина с любопытством озирались по сторонам — они не знали, что это за место, и даже не догадывались, что именно здесь Анна когда-то жила как рабыня. Лишь Сайс и Чоксо хранили молчание, понимая всё без слов. Эти двое знали, какую цену она заплатила за каждый свой шаг, помнили её боль и стыд, её бессилие и ярость. Они встали рядом с Анной, плечом к плечу, выражая молчаливую поддержку — ту самую, что порой дороже любых слов.

По едва заметному знаку Анны Чоксо подошёл к воротам вплотную и громко постучал. Во дворе тут же залились лаем собаки — их голоса прозвучали резко, почти угрожающе. Вскоре небольшое окошко в воротах приоткрылось, и в проёме показался хмурый лоб, прищуренные глаза и кривая, некогда сломанная переносица дежурного.

— Чего надо? — буркнул мужчина, голос его звучал грубо, с налётом привычной подозрительности.

— Госпожа желает поговорить с хозяином, — чётко, выговаривая каждое слово всеобщего языка, произнёс Чоксо.

— Хозяина дома нет. Шли бы вы по добру, по здорову, а то сейчас собак спущу! — рявкнул дежурный, и в его словах слышалась не столько угроза, сколько желание поскорее избавиться от незваных гостей.

Видя, что такими методами дела не решить, Тавер мягко отодвинул Чоксо в сторону и встал так, чтобы человек в окошке мог его разглядеть. И его не просто увидели — его узнали. В глазах дежурного мелькнул испуг, а следом послышался тихий, сдавленный вздох и приглушённые ругательства.

— Да-да, это я, — произнёс Тавер с самодовольной, чуть насмешливой улыбкой, словно наслаждаясь этим мгновением. — А теперь будь хорошим мальчиком и открой эту дрянную калитку. Моя госпожа не любит ждать. Долгое ожидание портит ей настроение, а когда оно портится у неё, оно сильно портится и у меня.

Мужик за воротами оказался понятливым. Окошко тут же захлопнулось с резким стуком. Послышался скрежет отодвигаемого засова, а затем ворота со скрипом отворились, будто неохотно уступая дорогу непрошеным гостям.

Тавер бросил на Чоксо победный взгляд, но вакхалиец по-прежнему не обращал на него внимания. Спокойно отступив в сторону, он уступил дорогу своей госпоже. Анна вошла во двор, ступая твёрдо и ровно, будто каждый шаг был заранее просчитан. Рядом с ней мягкой, бесшумной поступью шла огромная белая волчица — Луна. Её присутствие добавляло сцене какой-то первобытной силы, словно сама природа шла рядом с Повелительницей.

Люди, выскочившие на шум, при виде Тавера начинали нервно переглядываться, бормотать ругательства и отступать на шаг. Кто-то, вероятно, новый управляющий, низко поклонился Таверу и принялся быстро лепетать что-то, нервно комкая в руках какую-то тряпку. Они даже не подозревали, кто на самом деле владел этой властью — кто стоял перед ними, спокойный и холодный, словно сама судьба.

Анна не обратила на них внимания. Она шла дальше, вглубь двора, мимо больших длинных сараев, где когда-то держали рабов. Теперь они были пусты, двери распахнуты настежь — словно нарочно, чтобы каждый мог убедиться: здесь больше нет пленников. Это была не просто пустота — это была демонстрация, знак перемен, пусть и вымученных, горьких.

Но Повелительница не остановилась. Она продолжала идти вперёд, огибая сараи, углубляясь в лабиринт построек. Строения постепенно сменялись открытыми загонами и покосившимися бараками — эти, напротив, были наглухо закрыты. На каждой двери висели тяжёлые металлические замки, холодные и неприступные, будто скрывали за собой не просто вещи, а чьи-то сломанные судьбы.

— Куда она?.. Стойте! Госпожа! Там ничего нет! Господин Тавер, там ничего нет! Всего лишь продовольственные склады! — завопил мужчина, тот самый, что прежде кланялся Таверу. Голос его сорвался на визгливую ноту, в нём слышался не просто испуг — в нём звенела паника, будто он пытался удержать саму судьбу от рокового шага.

Увидев, что Анна не замедляет шаг, не оборачивается, не слышит его криков, мужчина, отбросив всякую учтивость, ринулся следом. Но Тавер, нахмурившись так, что на лбу прорезались жёсткие складки, опередил его — широким шагом он оказался впереди, словно щит, готовый заслонить госпожу от чего угодно, даже от её собственной решимости.

Анна остановилась перед одним из бараков. Ей хватило одного короткого, резкого взгляда — и Чоксо, не тратя ни мгновения, одним ударом сбил замок. Дверь распахнулась, и наружу хлынул смрад — тяжёлый, гнилостный запах немытых тел, сырости и человеческих страданий. Он ударил в ноздри, заставляя горло сжиматься от отвращения. Анна едва сдержала порыв отвернуться, подавить тошноту — но не позволила себе слабости.

Внутри люди, сидевшие в полутьме, испуганно расползались в стороны, словно тараканы, застигнутые внезапным светом. Они жмурились, прятали лица в ладонях, втягивали головы в плечи, будто хотели стать невидимыми, исчезнуть, раствориться в этих грязных стенах.

Тот самый мужчина, что пытался остановить Анну, рухнул на колени. Он бормотал что-то бессвязное, кланялся так низко, что лбом касался земли, и слова его тонули в хриплом шёпоте, полном отчаяния и страха. За спиной Анны глухо выругался Тавер. Чоксо по-прежнему молчал — его молчание было тяжелее любых проклятий. Даже Луна, обычно невозмутимая, нахмурила морду и принялась тереть лапой нос, будто пыталась стереть этот невыносимый запах. Вонь была настолько густой, что казалась почти осязаемой — а для чуткого волчьего нюха она и вовсе была пыткой.

Повелительница шагнула внутрь. Невольники, съёжившись, жались друг к другу, отползали с её пути, словно боялись даже случайного прикосновения. Анна тихо ступала между ними, обводя несчастных взглядом, и сердце её сжималось от жалости, а в груди клокотали гнев и ярость — ярость, холодная и острая, как лезвие.

Вдруг её ушей достиг странный, жалобный звук. Анна обернулась. У правой стены, на грязном полу, лежала молодая женщина. Она не двигалась — была ли она жива или уже покинула этот мир, понять было невозможно. Рядом с ней, стоя на коленях, плакал ребёнок. Он толкал женщину в плечо, звал её сквозь слёзы, и голос его был тонким, надломленным, полным безысходности.

Ребёнок был настолько чумазым, что невозможно было понять — мальчик это или девочка. Одежда, слишком большая, висела на нём мешковатыми складками, волосы, спутанными колтунами, свисали сосульками. Анна почувствовала, как сердце сжимается в тугой узел. Не раздумывая, она подошла ближе. Чоксо и Луна двинулись следом. Удивительно, но даже волчица не осталась равнодушной к чужому горю. Она подошла вплотную к ребёнку и осторожно коснулась его чумазой щеки своим чёрным бархатным носом. Ребёнок замер, поражённый этим неожиданным жестом, а потом, обернувшись, вдруг протянул руки — не к кому-то, а именно к Анне. И Повелительница, не колеблясь ни мгновения, подхватила его на руки.

— Не думаю, что это хорошая идея, светлейшая, — тихо, почти шёпотом произнёс Тавер, тоже приблизившись. В его голосе звучала не дерзость, а тревога — осторожность, отточенная годами службы, брала верх даже над сочувствием. Ему было жаль ребёнка, но безопасность Анны стояла для него превыше всего. Взять на руки незнакомого дитя, покрытого грязью, возможно, больного, — это был риск, который телохранитель не мог одобрить. Анна была не тем человеком, чьей безопасностью можно было пренебрегать.

Но Анна не обратила на его слова внимания. Повернувшись к Чоксо, она взглянула на него с молчаливой просьбой. Вакхалиец понял без слов: он присел рядом с лежащей женщиной, проверил пульс, прислушался к дыханию. Затем, выпрямившись, коротко кивнул. Анна облегчённо выдохнула — значит, женщина всё ещё цеплялась за жизнь.

— Как тебя зовут? — тихо спросила Анна у ребёнка, прижимая его к себе.

Но тот продолжал плакать, всхлипывая так, что разобрать хоть слово было невозможно.

В этот момент у входа послышался шум — возня, крики, чьи-то резкие голоса. Анна обернулась. Там слуги этого дома пытались удержать девушку в простой одежде служанки. Она яростно вырывалась, выкрикивала что-то, её глаза горели гневом и страхом. Наконец она заметила Анну и её спутников — и на мгновение замерла, будто поражённая увиденным. А затем с новой силой рванулась вперёд, будто сама мысль о том, чтобы остаться в стороне, была для неё невыносима.

— Что они там делают? Они хотят купить их? Нет! Постойте! — донеслись до Анны её крики, пронзительные и отчаянные, словно последний крик о помощи.

Среди всей этой серой, безразличной толпы Тереса оказалась единственной, кто не застыл в оцепенении, единственной, в чьих глазах вспыхнул живой огонь — огонь тревоги и отчаянной заботы. Остальные будто окаменели: никто не попытался вмешаться, никто не протянул руку помощи, никому не было дела до чужой беды. Даже огромная белая волчица, стоявшая подле ребёнка, не пробудила в них ни страха, ни любопытства — лишь равнодушные взгляды скользили мимо, словно звери и люди здесь давно перестали быть чем-то из ряда вон выходящим.

Анна тихо, почти беззвучно, кивнула Таверу — и этого едва заметного движения хватило, чтобы он понял приказ. Он шагнул вперёд, властным жестом велел слугам расступиться, и девушку тут же пропустили. Она вбежала внутрь, задыхаясь от спешки, и встала точно между Анной и бесчувственной женщиной на полу — словно пыталась заслонить их обеих от всего мира.

Повелительница внимательно рассматривала её. Платье было опрятным, хоть и явно старым, потёртым на локтях и выцветшим от множества стирок. Но на шее по-прежнему тускло поблёскивал рабский ошейник — холодное напоминание о том, что внешняя опрятность ничего не значит. Девушке было лет пятнадцать-шестнадцать — немногим меньше, чем Сайсу. В её чертах угадывалась скрытая красота — та, что расцветает, когда с лица сходит печать изнурения, а в глазах появляется надежда. «Её бы хорошенько откормить», — мелькнуло в голове у Анны, но тут же мысль эта утонула в горечи. Только сейчас Повелительница заметила, что девушка всё это время прижимала к груди небольшую склянку — будто самое дорогое, что у неё осталось.

— Вы хотите купить их? — спросила Тереса, глядя исподлобья, не скрывая ни подозрительности, ни открытой враждебности. Её голос дрожал, но в нём слышалась твёрдость — твёрдость человека, который уже столько раз видел, как надежда оборачивается ловушкой.

— Мы просто хотим помочь, — спокойно ответила Анна.

Слова эти можно было истолковать по-разному. Для рабов, привыкших к обману и предательству, любая доброта казалась подвохом, особенно когда её предлагали люди, по виду явно не знавшие нужды. Но Тереса либо дошла до той грани отчаяния, где уже не остаётся места осторожности, либо каким-то внутренним чутьём почувствовала искренность в голосе Анны. Её плечи медленно опустились, напряжение покинуло тело, а во взгляде, только что полном недоверия, мелькнуло что-то похожее на облегчение.

— Ты знаешь их? — спросила Анна.

Тереса молча кивнула.

— Девочку зовут Тисса, это её мать — Лиша, — добавила она после короткой паузы, будто каждое слово давалось ей с трудом.

— А как зовут тебя?

— Тереса.

— Откуда вы?

— С разных мест, — глухо отозвалась девушка и обвела взглядом всех рабов, теснившихся в полутьме барака. В этом движении не было ни горечи, ни гнева — только пустота, выжженная годами безысходности. — Кто-то местный, кого-то пригнали из Астарина или Лешта. Мы с Иррилии.

Упоминание Иррилии ударило Анну, словно ледяной хлыст. В груди вспыхнула ярость — острая, жгучая, почти ослепляющая. Значит, Аджерхан по-прежнему торгует людьми из Иррилии, словно скотом, не считаясь ни с договорами, ни с обещаниями. Анна уже получала донесения об этом, лелеяла надежду, что с приходом Джэбрала в Оттамору эта мерзость прекратится. Но теперь она видела всё своими глазами — и понимала, что обещания ничего не стоят, если за ними не стоит сила.

В этот момент Лиша вдруг закашлялась — резко, надрывно, будто сама жизнь с трудом удерживалась в её измученном теле. Тереса тут же упала на колени рядом с ней, бережно приподняла её голову и уложила к себе на колени.

— Потерпи, Лиша, я принесла лекарство, — прошептала она и дрожащими пальцами откупорила склянку, которую всё это время хранила у сердца, словно талисман.

Анна осторожно опустила Тиссу рядом с ними, на мгновение задержав взгляд на хрупком, перепачканном личике девочки. Затем она обернулась к своим людям — и в её глазах пылал уже не просто гнев, а холодная, беспощадная решимость.

— Мы забираем этих троих с собой. Остальным выдать еды и чистую одежду, — отчеканила она, и каждое слово прозвучало как приговор прежней тишине и безразличию. Не дожидаясь ответа, Анна первой покинула затхлый барак, оставив за спиной запах отчаяния — и унося с собой искру надежды, которую ещё предстояло разжечь в пламя.

***

По её приказу Тавер вихрем пронёсся по дворцу, сметая всё на своём пути, и в считаные мгновения согнал всех его обитателей — кроме невольников — во двор, прямо перед хозяйским домом. Людской поток, густой и беспокойный, стекался к ступеням, и, несмотря на то что их было в разы больше, чем людей Повелительницы, никто не решился ни на выпад, ни на дерзкий взгляд. Напротив, при виде Тавера в их глазах вспыхивал священный ужас, а колени сами подгибались, будто перед ними стоял не человек, а сама карающая судьба.

Анна, стоя на ступенях, медленно обводила взглядом эту покорённую толпу. Ещё недавно эти люди кичились своим положением, смотрели сверху вниз, раздавали приказы и наслаждались властью. Теперь же они дрожали — так же, как те несчастные, что томились в мрачных бараках. Их надменность рассыпалась в прах, оставив лишь липкий, всепоглощающий страх.

— Господин Тавер, это не то, что вы подумали, — залепетал один из мужчин, почти припадая к земле. — Эти люди… они… они всего лишь рабочие! Никто здесь не удерживается против воли…

Анне было невыносимо слушать эту наглую, бесстыжую ложь. Неужели он и правда считал их настолько наивными, что надеялся обмануть парой пустых слов? В груди закипала ярость — холодная, тяжёлая, словно расплавленный металл.

Ворота двора снова со скрипом отворились, но теперь у них не было стража, и потому никто не заметил, как во двор въехали двое всадников. Один из них, хмуро оглядывая коленопреклонённую толпу, резко выделялся среди всеобщего смятения своей неприкрытой злостью.

— Что здесь происходит?! — прогремел над двором недовольный голос, тяжёлый и властный, будто сам воздух сгустился от его гнева.

Незнакомец обогнул толпу и направился прямиком к ступеням, туда, где стояла Анна со своими людьми. Повелительница едва взглянула на него — и тут же узнала. Это был Ркал Вижн, сын покойного Тиэла Вижна. Значит, её догадки оказались верны: теперь он владел этим домом, этим проклятым местом, этой кровавой торговлей.

Ещё в те чёрные дни, когда Анна сама была здесь рабыней, Ркал славился своей жестокостью. Он не просто следовал отцовским путём — он упивался насилием. В памяти вспыхнул тот страшный эпизод: групповое надругательство над её землячкой, после которого девушка, не выдержав позора и боли, сама оборвала свою жизнь. И теперь, несмотря на строгий запрет работорговли, он тайком продолжал дело отца, пряча злодеяния за показной благопристойностью.

— Кто вы такие? Что вы устроили в моём доме?! — снова рявкнул Ркал, и в его голосе звенела не только ярость, но и уверенность человека, привыкшего, что мир склоняется перед его волей.

— Закрой свой рот! — рявкнул в ответ Тавер, и от этого голоса даже самые стойкие из толпы невольно вжались в землю.

Ркал послушно умолк, метнув в сторону Тавера полный ненависти взгляд. Но вскоре в его глазах мелькнуло узнавание — и маска ярости начала трескаться. Одна эмоция сменяла другую: страх, разочарование, глухая обида… но сильнее всех была злость — тяжёлая, ядовитая, готовая вырваться наружу.

— Этот двор будет закрыт до особого распоряжения, — чётко, без тени сомнения произнесла Анна, и её голос прозвучал в тишине, как удар молота. — Любой, кто посмеет покинуть это место, умрёт на месте.

— Ах ты ж… — зарычал Ркал, и лицо его исказилось от бешенства. Он рванул кинжал из-за пояса и успел сделать лишь один шаг — резкий, порывистый, полный слепой ярости.

Но не успел он занести оружие, как Чоксо молниеносным движением сбил его с ног. Удар был точным, безжалостным, лишающим не только равновесия, но и всякой надежды на сопротивление.

Анна сжала руки в кулаки, чувствуя, как в груди разрастается тяжёлое, горькое удовлетворение: час расплаты наконец настал.

***

Дом нового властелина Оттаморы почти не изменился за минувшие годы — по крайней мере, таким он остался в памяти Анны, хоть и видела она его тогда лишь мельком, сквозь пелену страха и унижения. Как и прежде, он сверкал огнями, будто бросая вызов ночной тьме. В каждом зале, в каждом коридоре мерцали свечи — не простые, а из дорогого ароматного воска, стоившего целое состояние. Их тонкий, пряный запах витал в воздухе, смешиваясь с духом роскоши и безнаказанности. Джэбрал явно не стеснялся пользоваться плодами контрабанды, расходуя запасы так, словно они были неисчерпаемы.

Ещё одна деталь бросилась Анне в глаза — стража. Охранники стояли на каждом шагу: у дверей, в переходах, на лестницах. Хоть в этом Джэбрал её не разочаровал: порядок он держал крепко. Но сейчас эта показная бдительность казалась насмешкой над настоящей безопасностью.

Властелин встретил Повелительницу в том самом зале, где когда-то она впервые увидела Ардэна Таджа. При одном воспоминании о генерале сердце Анны дрогнуло — то ли от горечи, то ли от странной, щемящей тоски. Зал по-прежнему был залит светом, обставлен с прежней пышностью: низкие диваны манили к отдыху, столы ломились от яств — от изысканных деликатесов до простых, но искусно приготовленных блюд. И это изобилие, эта нарочитая роскошь лишь сильнее распаляли в Анне гнев. Казалось, сама атмосфера зала была пропитана равнодушием к чужой боли.

— Душа моя! — раскинул руки для объятий Джэбрал, и в его улыбке сквозило привычное, почти игривое радушие.

Но, едва взглянув на Анну, он тут же осекся. Улыбка сползла с его лица, словно её смыло ледяной волной. Он понял: сегодня не тот день, когда можно шутить и рассыпаться в любезностях.

— Напомни мне, Джэбрал, на каких условиях ты был отправлен сюда? — без всякого приветствия, холодно и резко спросила Анна. — Для чего я назначила тебя властелином этих земель?

— Я не понимаю… — нахмурился мужчина, и в его взгляде мелькнуло искреннее недоумение.

Вместо ответа Анна вдруг резко подалась вперёд и одним движением смахнула тарелки со стола. Звон разбитого фарфора и хрусталя разнёсся по залу, резкий и оглушительный, словно раскат грома. Даже стражи у дверей встревоженно заглянули внутрь, пытаясь понять, что происходит. Джэбрал с тревогой метнул взгляд на Тавера, но тот лишь равнодушно отвёл глаза в сторону. Никто не спешил объяснять ему причину ярости Повелительницы.

Анна обернулась, и из её глаз, казалось, летели искры — яркие, обжигающие, готовые поджечь всё вокруг.

— Почему ты не знаешь, что творится на вверенной тебе территории?! — выкрикнула она, и голос её прозвучал как приговор.

Джэбрал растерянно оглянулся на своих приближённых. Те смотрели на него с таким же непониманием, а в некоторых взглядах читался даже испуг. Никто из присутствующих не мог постичь, что же вызвало такой гнев их госпожи.

— Прошу простить меня, светлейшая, но я и правда не понимаю, в чём дело, — склонился перед Анной Джэбрал, низко, почти до земли, и в этом поклоне было не столько смирение, сколько растерянность человека, внезапно осознавшего, что почва уходит у него из-под ног. — Но если вы объясните, в чём была моя ошибка, я…

— Ошибка? — перебила его Анна, и слово это прозвучало как удар хлыста.

Схватив Джэбрала чуть выше локтя, она резко потянула его за собой, не давая ни секунды на раздумья. По её расчётам, телега с девушками как раз должна была прибыть. И она не ошиблась. С тихим, протяжным скрипом колёс к дому медленно подъезжала повозка, словно сама судьба подталкивала её к этому порогу.

— Смотри, властелин, — прорычала Анна, подталкивая Джэбрала к телеге. — Вот твоя ошибка. Ошибка, которая стоила жизни этим людям.

Первой с повозки соскочила Луна — огромная белая волчица. Её появление заставило стражу попятиться, а кого-то и вовсе отступить с тихим испуганным возгласом. Следом спустился Сайс. Лекарь Повелительницы бережно помог сойти молодой девушке, затем спустил на землю ребёнка. Оба были невероятно худы, их глаза были полны страха, а движения — неуверенными, словно мир вокруг был для них чужим и враждебным. Пока Джэбрал ошеломлённо смотрел на них, Сайс подхватил на руки ещё одну женщину. Она была так же измождена, а главное — без сознания, её голова бессильно склонилась набок.

И почему-то именно вид этой безжизненной фигуры заставил сердце Джэбрала сжаться в тугой узел. Он сам не понимал, откуда взялось это чувство — тяжёлое, давящее, незнакомое. Эмоции, которых он прежде не знал, вдруг прорвались сквозь привычную броню уверенности, обнажая то, что он так долго прятал даже от самого себя.

— Кто это? — прохрипел мужчина, будто голос его вдруг проржавел и рассыпался на острые осколки.

— Это девушки из бараков Вижна, — выплюнула Анна, и каждое слово звучало, как удар кнута. — Их и сотни других выкрали из домов, вырвали из привычной жизни, лишили не только свободы, но и самих себя. Пока ты тут разыгрывал из себя всесильного властелина, эти люди сгорали в чужом огне, теряли жизни одну за другой!

— Я… не знал, — выдавил Джэбрал, словно эти слова царапали ему горло изнутри.

— Твоё незнание стоит слишком дорого, — тихо, почти шёпотом произнесла Повелительница, и от этой тишины стало ещё страшнее.

Что именно сломало его — намёк на ошибку, унизительный разнос перед собственными людьми или что-то совсем иное, спрятанное глубоко внутри, — никто не смог бы сказать наверняка. Но терпение Джэбрала треснуло с сухим, зловещим хрустом, а затем взорвалось, как перегретый котёл.

— Да можно подумать, ты у нас святая! — рявкнул он вдруг, и голос его сорвался на хриплый крик. — Будто у тебя там, в твоих владениях, всё гладко и тихо! Будто не случается ничего, что стоило бы слёз и крови! Раз это моя территория, значит, и разбираться с бедой здесь — моё дело. И я буду решать всё сам, слышишь?!

Присутствующие застыли, будто их окатили ледяной водой. Никто не ждал такого взрыва. Тавер и Чоксо синхронно шагнули вперёд, готовые в любой миг броситься наперерез, но Анна лишь небрежно, почти лениво подняла руку — и они замерли на месте. Она сузила глаза и уставилась на Джэбрала, и этот взгляд был тяжелее любого меча. Пусть она и смотрела на него снизу вверх — от этого её сила не становилась меньше, наоборот, будто давила ещё сильнее. На губах её мелькнула жёсткая, почти хищная улыбка — не добрая, не тёплая, а такая, от которой по спине ползли мурашки.

— Не забывайся, Джэбрал, — произнесла она спокойно, но в этом спокойствии звенела сталь. — Помни, кто я. Помни, что эта земля не твоя. Я лишь позволила тебе здесь властвовать — и могу так же легко забрать это право обратно.

В тот же миг плечо Джэбрала пронзила острая, обжигающая боль — будто в него вонзили раскалённый клинок. С каждой секундой становилось всё невыносимее, боль расползалась, терзая каждую жилку. Наконец он зашипел, не в силах сдержать этот звук, и его правая рука метнулась к больному месту, сжимая его, будто пытаясь выдавить эту муку наружу. Люди властелина дёрнулись к своему главарю, но так и не решились сделать ни шага — лишь пере-

глядывались, и в их взглядах плескались страх и растерянность. Джэбрал медленно, тяжело опустился на колени, всё ещё стискивая плечо, лицо его исказилось от боли.

— Я была услышана? — тихо, почти ласково спросила Анна, но в этом голосе не было ни капли мягкости.

— Да, — выдавил он сквозь стиснутые зубы, голос звучал надтреснуто, как старое стекло.

— Хорошо, — кивнула Повелительница.

И боль исчезла так же внезапно, как и пришла — будто кто-то резко выдернул клинок. Джэбрал шумно, жадно втянул воздух, будто только что вынырнул из глубокой воды. Анна не сказала больше ни слова. Развернувшись, она пошла обратно в дом, следом за Сайсом и девушками, её шаги были ровными, уверенными, без лишней спешки.

Позже Джэбрал нашёл её в том же зале. Она сидела на одном из многочисленных диванов, тяжело уронив голову на руку, неподвижная, словно вырезанная из камня. Перед ней стоял Сайс и ровным, чётким голосом докладывал о делах.

— …сейчас её искупают и переоденут. За этим следят Ферухе и Нина, — закончил он.

— Хорошо, спасибо. Ты, как всегда, молодец, Сайс, — тихо поблагодарила Повелительница, не поднимая головы.

Молодой лекарь склонился в почтительном поклоне и бесшумно отступил в тень, растворяясь среди полумрака зала. Анна перевела взгляд на Джэбрала — в её глазах не было ни тревоги, ни удивления, лишь холодная, расчётливая внимательность.

Властелин шагнул ближе, его пальцы скользнули к рукояти кинжала на поясе — резко, будто движение вырвалось само, помимо воли. В тот же миг Тавер и Чоксо выросли перед ним, напряжённые, как натянутые тетивы, готовые в любой миг броситься вперёд. Но прежде чем они успели шевельнуться, Джэбрал взмахнул клинком — быстрым, безжалостным движением, и на его щеке расцвёл глубокий порез.

Алая кровь брызнула на каменные плиты, заструилась по коже, сбегая к подбородку, капая на пол тяжёлыми, густыми каплями. В зале повисла звенящая тишина — будто весь мир затаил дыхание.

— Что это за шрамы? — спокойно спросила Анна, скользнув взглядом по лицам подчинённых Ночного Короля, где одинаковые порезы чернели, словно выжженные клейма.

— Это результат их ошибки, — хрипло ответил Джэбрал, и эти слова ударили Анну, как раскат грома из ясного неба.

Память вспыхнула обжигающим воспоминанием: именно так люди из «братства» наказывали себя за провинность. Один шрам — как клеймо вины. Второй раз клинок не оставляет шанса: он сносит голову. Это увечье было не просто раной — оно служило единственным и последним предупреждением.

— Поднимайся, — отрезала Повелительница, голос её звучал твёрдо, без намёка на жалость. — У нас слишком много дел, чтобы тратить время на самобичевание.

Джэбрал молча подчинился. Кровь всё ещё сочилась из раны, стекая по коже, но никто не сделал и шага, чтобы остановить её или обработать порез. В этом молчании читалось нечто большее, чем равнодушие — это было признание: наказание принято, и теперь нужно двигаться дальше.

Дальнейший разговор шёл в сухом, деловом ритме. Повелительница, Джэбрал и его первый помощник обсуждали, как лучше всего усмирить зарвавшегося потомка Вижна — взвешивали варианты, оценивали риски, раскладывали ходы, словно фигуры на шахматной доске. Слова падали в тишину, как камни в тёмную воду, не оставляя лишних волн.

Когда все вопросы были решены, Анна покинула зал, сопровождаемая Чоксо и Сайсом. Их шаги растворились в гулкой тишине коридоров, а Джэбрал, его друг Соно и Тавер остались стоять посреди зала, будто прикованные к месту.

Едва за Анной закрылись тяжёлые двери, Соно протянул своему господину носовой платок и флягу со спиртным. Джэбрал от платка отмахнулся, но к фляге приложился жадно, будто хотел смыть с себя не только кровь, но и горечь собственных слов.

— Мне казалось, что удивить меня уже невозможно, — протянул Соно, задумчиво покачивая головой. — Напугать — тем более. Но чем дольше я наблюдаю за нашей Повелительницей, тем сильнее она переворачивает всё, во что я верил.

— А ты, похоже, и вовсе считаешь себя бессмертным, — добавил Тавер, скрестив руки на груди.

— Знаю, — глухо отозвался Джэбрал.

Он не мог признаться ни им, ни даже самому себе, что вид тех измученных девушек ударил по нему сильнее любого клинка — разжёг ярость и одновременно вонзил в грудь острый шип вины. Анна была права во всём, и от этого становилось только горче. Ему было невыносимо осознавать, что его, властелина, повелителя, выставили провинившимся мальчишкой — словно нашкодившего котёнка, которого ткнули носом в лужу.

— Как телохранитель Повелительницы, я должен был бы тебя прикончить за такую дерзость, — внезапно произнёс Тавер. Джэбрал и Соно резко обернулись к нему.

Но в глазах Тавера не было угрозы — лишь усталая ирония.

— А как старый знакомый — скорее налью ещё.

С этими словами он выхватил флягу из рук Джэбрала и припал к горлышку, делая долгий, жадный глоток.

***

Утро на торговой площади выдалось шумным и беспокойным — толпа бурлила, словно вскипающая смола, и каждый голос сливался в единый гул, тяжёлый и напряжённый. Люди перешёптывались, тыкали пальцами, вытягивали шеи, стараясь разглядеть помост, где в плотном кольце воинов Джэбрала на коленях стояла дюжина мужчин и женщин. Ещё вчера они расхаживали здесь, будто хозяева жизни, раздавали приказы и смеялись над чужими бедами, а сегодня сами оказались на месте «товара» — униженные, скованные, лишённые прежней спеси.

Они стали живым предостережением для каждого, кто посмеет нарушить новые законы или бросить вызов самой Белой Волчице.

Анна стояла неподалёку, окружённая своими ближайшими людьми. Холодным, неподвижным взглядом она следила не за приговорёнными — их эмоции были ей до скуки предсказуемы: ярость, гнев, горькая обречённость, — а за толпой. Именно здесь, в глазах простых горожан, разворачивалась настоящая драма. Те, кто когда-то и сам грешил, испуганно прятали взгляды, будто боялись, что их мысли прочтут. Недовольные сжимали кулаки, в их глазах тлел глухой протест против новой власти. Бывшие рабы, напротив, едва сдерживали ликование — для них это был миг торжества справедливости, сладкий, как первая капля свободы после долгих лет тьмы. А кто-то стоял с пустым, отрешённым лицом — им было всё равно, пока беда не касалась их самих.

Когда Джэбрал дочитал приговор, площадь взорвалась шквалом голосов — крики, шёпот, всхлипы, проклятия слились в один оглушительный гул. Но стоило Анне сделать всего один шаг вперёд, как шум стих, будто кто-то резко оборвал невидимую струну. Над площадью повисла звенящая тишина, плотная и тяжёлая, как предгрозовое небо.

Рядом с Повелительницей бесшумно встала Луна — её верная защитница и любимица, тень, всегда следующая за хозяйкой.

— Белая Волчица… — прошелестел по толпе благоговейный шёпот, перекатываясь от человека к человеку, словно священное заклинание.

Многие смотрели на Анну как на ожившее божество — с трепетом, почти с молитвенным восторгом. Приговорённые, напротив, источали ненависть, густую и ядовитую. Особенно сын

Тиэла: он изрыгал проклятия, его голос срывался на хриплый крик, глаза пылали безумием. Но Анна скользнула по толпе скучающим, почти равнодушным взглядом, будто всё это было не более чем утомительным спектаклем, и повернулась к приговорённым.

— Казнить, — произнесла она ровным, бесстрастным голосом, в котором не было ни гнева, ни удовольствия — лишь холодная необходимость.

И ушла, не оборачиваясь. Она не видела, как одного за другим заставляли склонить головы, как над ними зловеще взметнулись топоры, как сталь обрушилась вниз, обрывая жизни.

Тавер, уже поджидавший у лошадей, торопил её. Он знал: толпа, вдохнув запах крови, может обезуметь в мгновение ока, превратиться в неуправляемую стихию. Нужно было уходить — быстро, без промедления.

Но едва Анна приблизилась к лошадям, мир перед глазами вдруг поплыл, словно растворяясь в мутной дымке. Головокружение накатило тяжёлой волной, подступило к горлу тошнотой. Чоксо мгновенно оказался рядом, крепко подхватив её за локоть, не давая упасть.

— Быстрее! — рявкнул Тавер, подгоняя всех, будто за ними уже гналась сама тьма.

Слабость всё ещё сжимала Анну, словно ледяные пальцы, но Чоксо не дал ей времени поддаться ей: он легко подхватил её на руки, усадил в седло, а сам сел позади, осторожно придерживая, будто боялся, что она рассыплется от одного неловкого движения. Тавер вскочил на свою лошадь, и они сорвались с места, оставляя за спиной площадь, пропитанную страхом и кровью, и город, который теперь жил по новым законам — законам Белой Волчицы.

***

Копыта глухо ударили о брусчатку — отряд влетел во двор дома Джэбрала, будто убегая от самой судьбы. Тавер спешился первым, грудь вздымалась от быстрой езды, но в глазах плескалось облегчение: успели. Он резко обернулся к Чоксо и Анне, словно боялся, что если хоть на миг потеряет их из виду, всё рассыплется в прах.

Вакхалиец сошёл с коня с привычной ловкостью и одним плавным движением снял Анну с лошади — легко, будто она не Повелительница, а просто уставшая девочка. Не успел Чоксо поставить её на ноги, как Тавер уже схватил за локоть пробегавшего мимо служащего — хватка вышла жёсткой, почти железной.

— Найди лекаря Повелительницы, — рявкнул он, не тратя слов на вежливость. — Пусть немедленно явится в её покои!

— Со мной всё в порядке, — вяло отмахнулась Анна, но тут же пошатнулась, будто земля под ногами вдруг стала зыбкой.

— Вижу, — хмыкнул Тавер, и в этом хмыке было больше тревоги, чем насмешки. На этот раз он не стал ждать, пока она снова покачнётся, — просто подхватил её на руки, крепко, без церемоний.

Анна вяло дёрнулась, попыталась протестовать, но слабость липла к ней, как тяжёлый плащ, и сил на настоящее сопротивление не осталось.

В покоях их уже ждали: Сайс стоял у окна, спокойный и собранный, а рядом суетилась Нина, будто предчувствовала беду.

— Что случилось? — вскрикнула помощница, бросаясь вперёд, глаза её расширились от испуга.

— Ей стало плохо, — коротко бросил Тавер, укладывая Анну на постель. Движения его были резкими, но осторожными — будто он боялся, что она рассыплется от одного неловкого касания.

— Всё со мной хорошо, — пробормотала Анна, прикрывая глаза, будто хотела спрятаться от всех этих встревоженных взглядов. — Просто на улице слишком жарко…

Сайс тут же шагнул к ней, привычно деловитый, будто не перед ним Повелительница, а обычный пациент. Нина не удержалась и тут же принялась выговаривать Анне за легкомыслие, голос её звенел, как натянутая струна.

— Не понимаю, почему вы все так волнуетесь, — снова пробормотала Анна. — Всего лишь перегрелась на солнце.

— Скажешь это Ардэну сама, — буркнул Тавер и скрестил руки на груди, будто хотел этим жестом отгородиться от грядущих неприятностей. — Лично я не собираюсь сокращать срок своей жизни.

Анна метнула на него недовольный взгляд, тяжёлый и колючий. Рядом Нина не смогла сдержать смешок — и тут же прикрыла рот ладонью, но глаза всё равно искрились весельем.

— При чём здесь генерал? — буркнула Анна, бросив ещё один сердитый взгляд на подругу.

— А при том, что если с тобой что-то случится, наш драгоценный генерал Ардэн Тадж свернёт мне шею, — нахмурился Тавер. — Нас и так ждёт малоприятный разговор, когда он узнает, что мы покинули столицу.

— Мои решения никак не касаются генерала, — резко ответила Анна и тут же тихо ойкнула, получив лёгкий, но твёрдый хлопок по руке.

Это Сайс пытался измерить её сердцебиение, а она всё ёрзала, мешая ему работать. Анна тут же насупилась и замерла, будто примерзла к постели. Зато Нина и Тавер, почувствовав слабину, тут же разошёлись — теперь они не просто волновались, а откровенно подначивали Повелительницу.

Чоксо стоял чуть в стороне, спокойный, как скала посреди бурного моря. Анна порой ловила себя на мысли, что завидует этому его невозмутимому спокойствию — умению оставаться хладнокровным, даже когда вокруг всё летит в тартарары.

— Что ж, — наконец произнёс Сайс, закончив осмотр. — Ничего серьёзного я не вижу. Скорее всего, причиной головокружения действительно послужила жара. К тому же, некоторые сегодня утром так ничего и не ели. Ведь так?

Он посмотрел на Анну строго, почти по-отечески, и от этого взгляда она вдруг покраснела, будто её поймали на детской шалости.

Под этим внимательным, не терпящим возражений взглядом Анна невольно опустила глаза. Да, тот завтрак, что принёс утром Ферухе, она тайком скормила Луне. Аппетита не было, а от запаха жареной рыбы её и вовсе замутило. Зато волчица умяла всё до последней крошки — с таким аппетитом, что даже стыдно стало.

— Отдых, еда и обильное питьё, — подвёл итог Сайс, голос его звучал твёрдо, без намёка на уступки. — Вот и всё, что нужно для улучшения самочувствия светлейшей Повелительницы. Я попрошу Феру, чтобы она всё приготовила. И в этот раз проследит лично.

— Я не пойму, — нахмурилась Анна, приподнимаясь на локте, голос её дрожал от возмущения. — Я для вас кто? Повелительница или малое дитя?

Тавер, Нина и Сайс переглянулись — и в унисон, будто отрепетировали заранее, выдали:

— Дитя!

Анна схватила ближайшую подушку и швырнула её в эту смеющуюся, невыносимо заботливую троицу. Те с хохотом метнулись к выходу, едва успевая увернуться. Чоксо, оставшись на месте, лишь тихо, с тёплой улыбкой покачал головой — будто всё это было самым обычным делом в его непростой жизни.

***

Казнь ударила по толпе, как раскат грома по натянутой коже барабана — и произвела ровно тот эффект, на который рассчитывали: учуяв запах крови, народ вспыхнул, захлебнулся диким, жадным возбуждением и теперь жаждал продолжения. Волна ярости и восторга катилась по площади, грозя перерасти в неуправляемый шторм. Последствий удалось избежать, но

далось это дорогой ценой — пришлось ломать, давить, усмирять, тратить силы до последней капли. И лишь одно спасало: Повелительница успела покинуть площадь вовремя, словно чувствовала, когда нужно уйти, чтобы не утонуть в этом бурлящем море.

Ближе к вечеру Джэбрал вместе с Соно вернулись в дом. Усталость навалилась не тяжёлой физической тяжестью — та была привычной, почти родной, — а чем-то куда более изматывающим: моральной усталостью, горьким осадком от собственных слов и поступков. Он снова и снова прокручивал в голове вчерашнюю сцену с Анной, и каждое слово, сорвавшееся с языка, теперь кололо, как заноза. Зря он тогда сорвался. Зря пытался выставить себя сильнее, чем был.

Теперь, глядя на всё это со стороны, Джэбрал вдруг отчётливо понял, насколько тяжек груз управления — пусть даже это была не огромная империя, а маленькая, потрёпанная страна, едва державшаяся на краю пропасти. Раньше он командовал шайкой отчаянных головорезов и карманников, которым нечего было терять и которые жили одним днём. Теперь под его крылом были целые семьи, их надежды, страхи, их будущее. И каждое решение, даже самое незначительное, могло сломать чью-то жизнь. Это было тяжело. Невыносимо тяжело.

Мысли кружились, как осенние листья на ветру: правильно ли он поступил? Может, стоило действовать иначе? Может, где-то он выбрал не ту дорогу, свернул не туда, и теперь все эти люди расплачиваются за его ошибки? И в который раз эта тяжесть заставила его взглянуть на Анну совсем другими глазами. Она была не просто сильной — она была из тех, кто держит небо на плечах и даже не морщится от тяжести. Сильнейший человек, которого он когда-либо встречал.

Джэбрал знал: Повелительница ждёт от него отчёта. Но он не мог явиться к ней, пропахший потом, пылью и кровью — не потому, что боялся её осуждения, а потому, что сам не хотел видеть в её взгляде отвращение к этой своей грубой, неопрятной стороне. Поэтому первым делом он направился в свои покои, чтобы смыть с себя день, словно пытался стереть и те чувства, что разъедали изнутри. Тёплая вода смывала грязь, но не могла унести вину. После он переоделся, стараясь не смотреть на своё отражение — будто боялся увидеть в нём кого-то чужого.

Уже выходя из комнаты и направляясь к покоям Повелительницы, Джэбрал вдруг замер. В пустом, тихом коридоре, прижавшись спиной к холодной стене, сидела маленькая девочка и плакала так горько, будто у неё разбилось всё на свете. Мужчина на мгновение застыл, окидывая взглядом пустой коридор, словно надеялся увидеть где-то рядом её мать или кого-то из слуг, кто должен был присматривать за ребёнком. Но никого не было. Только она — крохотная, потерянная, с дрожащими плечами и мокрым от слёз лицом.

Чей это ребёнок? Служанки? Или… та самая девочка, которую Анна привезла из дома работорговца? В груди снова шевельнулось неприятное чувство вины — он даже не удосужился спросить, как устроились эти девушки, что с ними, где они спят, что едят. Как будто их судьба не имела значения. А теперь вот эта девочка сидела здесь, одинокая и беспомощная, и разрывала ему сердце своими всхлипами.

— Эй, ты чего ревёшь? — неловко, почти грубо спросил он, будто хотел спрятать за этим резким тоном свою растерянность.

Девочка подняла голову, и Джэбрал смог разглядеть её заплаканное личико. Она была милой — по-настоящему милой, несмотря на всю эту грязь и слёзы. Только слишком уж худой: будто ветер мог унести её, если дунет посильнее. Чуть округлить щёчки, вытереть сопли — и эти большие серые глаза покорили бы не одно сердце.

— Я… потерялась, — пролепетала она сквозь рыдания, голос дрожал, слова рассыпались, как бусины с порванной нитки.

Это Джэбрал и так понял. Он напряг память, пытаясь вспомнить, куда могли разместить спасённых девушек. Зная Анну, он не сомневался: она наверняка поселила их где-то поблизо-

сти от себя, чтобы держать под присмотром, чтобы в любой момент можно было прийти на помощь. И от этого осознания вина снова кольнула, острее прежнего.

— Ты одна гуляла? — спросил он, стараясь говорить мягче, хотя голос всё равно звучал грубовато, непривычно для такого хрупкого существа.

— Мамочка болеет… — снова всхлипнула девочка, размазывая слёзы по лицу грязными пальчиками. — Я… увидела эти цветочки в окне и захотела подарить их мамочке, чтобы порадовать… Она очень любит цветы…

Под конец рассказа она снова разрыдалась — громко, отчаянно, по-детски искренне. Слова её были сбивчивыми, детскими, милыми и оттого ещё более горькими, а слёзы размывали смысл, заставляя Джэбрала напрягать все силы, чтобы разобрать, что она пытается сказать. Он стоял перед ней, огромный, неловкий, и впервые за долгое время чувствовал себя совершенно беспомощным — будто весь его опыт, вся его сила и власть не стоили ни гроша перед этим маленьким, разбитым горем.

Джэбрал шумно выдохнул, будто сбрасывая с плеч невидимую тяжесть, и присел на корточки рядом с девочкой — так, чтобы не нависать над ней громадой, не пугать ещё сильнее.

— Как тебя зовут?

— Тисса, — пискнула она, голос дрожал, как тоненькая струнка на ветру.

— Вот что, Тисса, хватит лить слёзы, а то тут скоро целое озеро наберётся. А я, знаешь ли, очень плохо плаваю, — он нарочно сказал это с нарочитой серьёзностью, чуть нахмурив брови, будто речь шла о настоящей беде.

— Неправда! — выпалила девочка, и в этом возгласе вдруг прорвалось что-то живое, почти сердитое — будто она забыла на миг про своё горе и бросилась защищать истину с отчаянной детской прямотой.

— Нет, я действительно отвратительный пловец.

— Я не об этом!

— А о чём?

— Про озеро! Ты врёшь. Я не могу столько наплакать.

Джэбрал едва сдержал улыбку.

— Ну, знаешь ли, у тебя неплохо получается. Вон, гляди, уже целая лужа собралась.

Тисса тут же перестала всхлипывать и опустила глаза, внимательно разглядывая пол у своих ног. Не увидев там никакой лужи, она подняла на него взгляд, полный строгого осуждения — такой серьёзный, что Джэбрал едва не рассмеялся. Но сдержался: в этом взгляде было столько достоинства, что смеяться казалось почти преступлением.

Властелин всё-таки улыбнулся — тихо, тепло, без насмешки. Девочка и правда была забавной. В ней не было ни капли притворства, ни тени взрослой хитрости — только чистая, незамутнённая прямота, от которой внутри что-то тихо сжималось.

— Раз ты наконец успокоилась, пойдём тогда искать твою мамочку, — предложил он, стараясь говорить спокойно, без напора.

Но взгляд Тиссы тут же изменился — в нём вспыхнуло насторожённое недоверие, почти страх. Она даже сделала полшажка назад, инстинктивно прижимаясь к холодной стене, словно та могла её защитить.

— Мамочка запрещает мне ходить с чужими людьми, — отрезала она твёрдо, будто повторяла заученное правило, которое нельзя нарушать ни при каких обстоятельствах.

— А бродить в одиночестве по чужому дому — можно? — чуть поддразнил он, но, заметив, как снова заблестели слёзы в её глазах, поспешно добавил, уже совсем другим тоном: — Меня зовут Джэбрал. Вот видишь, теперь ты знаешь моё имя, а значит, мы больше не незнакомцы. Так?

Тисса ненадолго задумалась, склонив голову набок, будто взвешивала каждое слово, проверяя его на честность. Потом медленно, осторожно кивнула.

Джэбрал подхватил её на руки. Она оказалась лёгкой, почти невесомой — будто держал в руках не ребёнка, а хрупкую птичку, которая вот-вот вспорхнёт и улетит.

— Цветочки! — вдруг воскликнула Тисса, широко распахнув глаза.

Только теперь он заметил у их ног небольшой букетик. Цветы выглядели жалко: подвявшие бутоны печально склонили головки, лепестки уже теряли яркость, будто устали держаться прямо. Но для Тиссы они явно значили куда больше, чем просто сорванные стебли.

Он поднял букетик и бережно зажал его в пальцах.

Тисса доверчиво обхватила ручонками его шею и уткнулась носом в плечо — так просто, так естественно, будто всю жизнь только и делала, что доверялась ему. Джэбрал на мгновение замер, ощущая эту хрупкую доверчивость, и вдруг почувствовал, как что-то внутри него тихо треснуло.

Прикинув, где Анна могла разместить спасённых девушек, он решительно направился в сторону её покоев. Если их там нет, там он хотя бы сможет получить подсказку.

— А твой папа тоже был в том месте вместе с вами? — неожиданно для самого себя спросил он. Вопрос вырвался сам собой, будто какая-то часть его хотела знать, откуда пришла эта маленькая, упрямая, смешная девочка.

— Нет, — тихо ответила она, не поднимая головы. — Он умер, когда я была ещё совсем маленькой. Если бы папа был с нами, нас бы не забрали те злые люди…

Детская простота этих слов ударила куда сильнее любого крика. В них не было ни пафоса, ни драмы — только голая, неприкрытая правда, от которой становилось горько и стыдно за всё взрослое, жестокое, равнодушное.

— А ты кто? — вдруг спросила Тисса, нарушая тишину, которая успела сгуститься между ними.

— Один из стражей Повелительницы?

— Можно и так сказать, — после небольшой заминки ответил он. Ему вдруг стало неловко от этого звания — слишком громкое, слишком важное для того, кем он был на самом деле.

— Повелительница хорошая…

— Да, она такая.

— И ты тоже хороший, — чуть тише, почти шёпотом добавила девочка, будто делилась секретом.

Джэбрал печально улыбнулся. Нет, он был далеко не хорошим. Он знал это лучше кого бы то ни было. И в этот момент ему впервые в жизни стало по-настоящему стыдно за тот путь, который он прошёл, за решения, которые принимал, за жизнь, которую вёл. Стыдно не перед судьями и не перед законами — а перед этой маленькой девочкой, которая смотрела на него доверчивыми серыми глазами и верила, что в нём есть что-то светлое.

Голос Тиссы становился всё тише, растворяясь в тишине коридора, пока совсем не стих. Джэбрал опустил глаза и увидел: девочка наконец задремала, уютно устроившись у него на плече. Сквозь дрёму, почти шёпотом, она вдруг пробормотала:

— Я хотела бы такого папу…

Слова прозвучали так тихо, что на миг ему показалось — он их просто придумал, вытянул из собственных угрызений совести. Но нет: в этой фразе, едва слышной, как шелест осенних листьев, было столько тихой, беззащитной надежды, что у Джэбрала что-то дрогнуло внутри.

Откровенность Тиссы ударила по нему сильнее любого упрёка. Стало ясно: девочке отчаянно не хватало простого, надёжного тепла — того самого мужского плеча, за которым можно спрятаться от всех бед. И то, что она подарила это доверие первому, кто просто не прошёл мимо, резануло по сердцу острой, горькой жалостью.

Из-за поворота вдруг вылетела девушка — лёгкая, стремительная, будто гонимая ветром. Она явно куда-то спешила, и тревога застыла в её глазах, как иней на стекле. На вид ей было не больше шестнадцати. Джэбрал видел её впервые. Не походила она на обычную служанку — значит, одна из тех, кого привела Анна.

Заметив Тессу на его руках, девушка резко остановилась. На мгновение в её взгляде вспыхнуло облегчение — яркое, почти слепящее, — но тут же его смыла новая волна тревоги, настороженности, даже страха. Она будто пыталась понять: друг перед ней или новая беда.

— Ты, наверное, одна из гостий Повелительницы? — как можно мягче спросил Джэбрал. Он чувствовал, что девушка сейчас не готова к долгим разговорам, поэтому сразу добавил, чтобы снять напряжение: — Я нашёл её в коридоре. Она потерялась и плакала. Несу её к матери.

— Я возьму её, — решительно сказала девушка, подходя ближе и протягивая руки.

Она была такой же тоненькой, как и сама Тисса, — будто ветер мог подхватить и унести обеих. Джэбралу стало не по себе при мысли, что эта хрупкая девушка попытается нести ребёнка: казалось, сама может сломаться под этой ношей.

— Не стоит, — покачал он головой. — Лучше покажи дорогу.

Девушка прикусила губу, бросила короткий взгляд на спящую Тессу. Девочка сладко сопела, доверчиво прижавшись к его плечу, позабыв обо всех бедах этого дня. Что-то быстро прикинув в голове, девушка решительно развернулась и пошла вперёд, указывая путь. Джэбрал молча последовал за ней.

Как он и предполагал, комнаты девушек находились неподалёку от покоев Повелительницы — так, чтобы Анна могла в любой момент прийти на помощь, держать всё под присмотром. Девушка распахнула дверь и жестом пропустила Джэбрала вперёд.

И тогда он первым увидел женщину, тяжело опирающуюся на спинку стула. Было видно, что силы почти покинули её: руки мелко дрожали, дыхание вырывалось с усилием, на лбу выступила испарина. В ней, несмотря на слабость, угадывалась прежняя стать, а в голосе, когда она заговорила, звучала тихая, упрямая гордость.

— Лиша! Ты зачем встала? Господин лекарь велел тебе отдыхать! — взволнованно воскликнула девушка и, обогнув Джэбрала, метнулась к подруге, чтобы поддержать её, не дать упасть.

— Ты нашла её, — выдохнула Лиша, и в этом вздохе было столько облегчения, что оно, казалось, заполнило всю комнату. Голос её был слабым, но удивительно красивым — будто даже в изнеможении в нём оставалась какая-то особая, нежная музыка.

— Конечно, нашла, — кивнула девушка и обернулась к Джэбралу. — Пожалуйста, положите её на кровать.

Он оторвал взгляд от Лиши и послушно направился к постели. Осторожно, стараясь не потревожить сон девочки, Джэбрал разомкнул тонкие ручонки, обнимавшие его шею, и бережно уложил Тессу на покрывало.

Девчушка что-то сонно пробормотала, причмокнула губами, повернулась на бок, подсунула ладошку под щёку — и снова погрузилась в глубокий, спокойный сон, где не было ни страха, ни одиночества.

— Спасибо вам, господин, — долетел до него тихий, слабый голос Лиши, в котором слышалась не просто благодарность, а что-то большее — будто он вернул ей частичку света в этом тёмном, тяжёлом мире.

Джэбрал обернулся. И даже сквозь пелену слабости, сквозь усталость, что гнула её к земле, Лиша смотрела на спящую дочь с такой теплотой и искренней любовью, что у него вдруг перехватило дыхание. Её глаза были того же насыщенного серого оттенка, что и у Тиссы — будто в них отражалось одно и то же небо, только в разное время дня.

Испугавшись собственных мыслей — слишком личных, слишком пронзительных, — Джэбрал резко опустил взгляд. И только тут заметил, что всё ещё сжимает в руке тот самый букетик: подвявшие цветы, поникшие головки, поблёкшие лепестки… жалкий, но такой важный дар, который Тисса собрала для матери.

— Вот, — тихо произнёс он, подходя ближе. — Это Тисса собрала для вас.

Лиша протянула дрожащую руку и приняла букетик. И пусть выглядел он, мягко говоря, печально — будто сам стыдился своей неказистости, — она не смогла сдержать тёплой, светлой улыбки. В этой улыбке было столько нежности, что она, казалось, могла бы согреть целую комнату. Но именно в этот миг силы окончательно покинули её: ноги подкосились, тело обмякло, и она начала оседать, словно из неё выдернули невидимую опору.

— Лиша! — вскрикнула её подруга, голос дрогнул от страха, но Джэбрал уже метнулся вперёд — быстрее, чем она успела сделать шаг.

Он подхватил Лишу на руки, будто она была не тяжелее ребёнка, и в несколько стремительных шагов вернулся к кровати. Осторожно, бережно уложил её рядом с дочерью. Тисса во сне чуть пошевелилась, прильнула щекой к плечу матери — и снова затихла, доверчиво и спокойно.

Девушка, чьего имени он так и не узнал, уже мчалась к ним с кувшином и мокрой тряпкой — торопилась положить её на лоб подруги, хоть как-то облегчить жар. Её движения были резкими, но в них чувствовалась выученная, почти отчаянная забота.

— Я позову лекаря, — коротко бросил Джэбрал, и голос его прозвучал твёрже, чем он сам себя чувствовал. Не дожидаясь ответа, он стремительно вышел из комнаты, оставив за спиной тихий мир, где мать и дочь наконец-то снова были вместе — пусть даже одна из них едва держалась на краю сил.

***

Анна сидела за массивным столом, склонившись над пергаментом — она как раз дописывала письмо советнику Анаташу, и кончик пера выводил ровные, чёткие строки, будто каждое слово было взвешено и проверено на прочность. В этот миг в комнату скользнула Ферузе и, чуть склонив голову, впустила Джэбрала.

— Ты вернулся, — проговорила Повелительница, и в её голосе, сдержанном и ровном, всё же мелькнуло едва уловимое облегчение — будто с плеч упал ещё один тяжёлый камень.

Джэбрал склонился в приветствии — не в той небрежной полупоклоне, к которому она привыкла, а в почтительном, строгом жесте, где не было ни капли привычной дерзости.

Анна подняла взгляд, чуть нахмурилась, но тут же спрятала эту мимолётную тень за деловитой интонацией:

— Как обстоят дела в городе? Каково настроение людей?

Но прежде чем он успел ответить, Джэбрал вдруг остановился, будто споткнулся о собственные слова.

— Прошу простить меня, Повелительница, — начал он, и от этой непривычной вежливости в воздухе будто повеяло чем-то чужим, неловким. — Прежде чем начать отчёт, я хотел бы обратиться к вам с просьбой.

Анна замерла. Этот Джэбрал был ей незнаком. Она привыкла к его язвительности, граничащей с дерзостью, к тем насмешливым прозвищам, что он бросал ей, как камешки — то в шутку, то вскользь задевая. А теперь это «Повелительница», сказанное без тени иронии, резало слух своей неестественной правильностью.

Не только Анна заметила перемену. Чоксо, стоявший у окна, едва заметно приподнял бровь. Ферухе, уже собравшаяся было что-то сказать, прикусила язык и лишь тихо переглянулась с ним. В их взглядах читалось то же недоумение: что случилось с этим человеком, который всегда шёл напролом, не признавая ни рамок, ни церемоний?

— Я слушаю, — произнесла Анна, голос её прозвучал спокойно, но в этой тишине было напряжение натянутой струны.

— Одной из ваших гостий, Лише, плохо. Я хотел бы попросить вас отправить к ней вашего лекаря, господина Сайса, — сказал Джэбрал, и даже эта просьба прозвучала не как требование, а как почти робкая просьба — ещё одна деталь, выбивавшаяся из привычного образа.

Если просьба и удивила Анну, она не подала виду. Один короткий, выразительный взгляд — и понятливая Ферухе тут же метнулась прочь, шурша подолом, чтобы разыскать Сайса.

Анна откинулась на спинку стула и внимательно посмотрела на мужчину, застывшего перед ней. Джэбрал стоял непривычно прямо, непривычно серьёзно, будто сам пытался примерить на себя новую, тяжёлую роль. Они никогда не были близкими друзьями, но и такой холодной отстранённости между ними прежде не бывало. И именно это Анне не нравилось больше всего: будто между ними выросла тонкая, но прочная стена.

Повелительница вздохнула — тихо, устало, словно этот вздох вытянул из неё ещё немного сил. На мгновение она прикрыла глаза, чувствуя, как в висках нарастает тупая, ноющая боль — след напряжения, копившегося день за днём, капля за каплей.

— Джэбрал, не нужно, — проговорила она, голос звучал мягко, но в нём звенела сталь.

— Не нужно что, светлейшая? — не понял он, нахмурившись, будто пытался нащупать смысл там, где его не было.

— Не нужно строить из себя обиженного ребёнка, — открыла глаза Анна, и взгляд её стал прямым, без снисхождения, но и без жестокости. — Учись принимать и похвалу, и критику. Ты допустил ошибку. Серьёзную ошибку, которая затронула жизни сотен людей. Ты заигрался в богатого властелина, позабыв о самом главном — о том, что твоя главная обязанность — защищать людей. Но, — она подняла руку, не давая ему вставить ни слова, пока голос не прорвался сквозь обиду, — ты тоже был прав. Я не святая. И я тоже ошибаюсь. Но цена каждой нашей ошибки слишком высока. Вот что я хотела донести до тебя.

Джэбрал молчал. Он стоял, глядя в окно, где за стеклом медленно угасал день, и тени ложились на пол, будто пытаясь спрятать его от этого разговора. Анна чувствовала, как пульсирует боль в висках, но не позволяла себе даже поморщиться. Тяжёлый, глубокий вздох мужчины прозвучал в тишине комнаты почти оглушительно.

— Хорошо, — наконец произнёс он и, не спрашивая разрешения, опустился на диван — не вальяжно, как делал это раньше, а тяжело, будто ноги вдруг перестали держать.

Этот маленький, почти незаметный жест сказал Анне больше, чем любые слова: лёд тронулся. Напряжение, сковывавшее его плечи, чуть ослабло. И несмотря на усталость, на эту ноющую боль, на всю тяжесть дня, она тепло, искренне улыбнулась — так, как улыбаются тому, кто наконец перестал прятаться за броней.

— Я действительно облажался, — снова вздохнул он, и в этом признании не было ни бравады, ни попытки оправдаться. — И знаешь, неприятно, когда тебя тычут носом в собственную лужу, прелесть моя. Но ещё хуже от того, что…

Он замолчал, так и не сумев вытолкнуть из себя то, что терзало изнутри. Анна снова печально улыбнулась. Ей не нужно было слышать окончание фразы — она и так поняла всё, что он хотел сказать.

— Я знаю, Джэбрал, я знаю, — тихо проговорила Анна, и в этих словах не было ни упрёка, ни снисхождения — только глубокое, выстраданное понимание.

Джэбрал посмотрел на неё с неожиданной теплотой, будто впервые увидел не Повелительницу, облечённую властью, а просто женщину, на чьи плечи легла тяжесть целого мира. Сколько боли, вины и тихой печали пряталось в её взгляде — столько, что у него внутри что-то сжималось от этого безмолвного груза. Он не знал всей её истории, не знал тех тёмных троп, по которым ей пришлось пройти, но видел, как благодаря ей судьбы людей разворачивались

к свету, как рушились оковы, как в глазах тех, кто уже не надеялся, снова загорался огонёк надежды. И всё это — её заслуга.

Анна опустила взгляд на бумаги, разбросанные по столу. Строки, выведенные её рукой, теперь казались ей сухими и незначительными по сравнению с тем, что творилось за пределами этих стен. Пальцы скользнули по краю пергамента, будто искали опору в чём-то привычном, материальном.

— Утром мы уезжаем, — наконец произнесла она, голос прозвучал ровно, без пафоса, как констатация неизбежного. Затем медленно подняла глаза, и в них уже не было прежней усталости — только холодная, собранная решимость. — У меня будет к тебе особое поручение.

***

Перед сном Анна решила заглянуть к своим подопечным — не из долга, а из тихой, почти материнской потребности убедиться, что ночь укрывает их бережно, без прорех. Дверь открыла Тереса. Едва завидев на пороге Повелительницу, девушка поспешно склонилась в низком, почти трепетном поклоне, будто боялась, что даже тень её дерзости оскорбит эту женщину.

— Светлейшая, — проговорила она, отступая в сторону и пряча в этом движении и почтение, и затаённую тревогу.

Анна ответила лёгкой улыбкой — не показной, не властной, а той, что согревает, как слабый, но верный огонёк в тёмной комнате. Она шагнула внутрь.

Лиша, лежавшая на кровати, попыталась приподняться, но застыла под одним-единственным жестом Повелительницы — спокойным, уверенным, не терпящим возражений.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Анна тихо, почти шёпотом: рядом, свернувшись клубочком, сладко посапывала Тисса, и нарушать её сон казалось почти кощунством.

— Всё хорошо, — так же негромко отозвалась Лиша. — Ваш лекарь — просто волшебник.

Анна снова улыбнулась, скользнув взглядом по мирно сопящей девочке. В этом безмятежном дыхании было столько хрупкой, драгоценной тишины, что на мгновение даже собственные тревоги показались ей мелкими и незначительными.

— Утром я покину Оттамору, — наконец произнесла она, и слова прозвучали не как объявление, а как осторожное прикосновение к чужой судьбе.

Тереса, стоявшая за её спиной, вдруг напряглась, будто кто-то дёрнул невидимую струну внутри неё. Она метнула тревожный взгляд на Лишу — словно искала в её лице подсказку, как теперь дышать.

— Вы можете остаться здесь, пока не окрепнете, — продолжила Анна, голос её звучал ровно, без пафоса, но в каждом слове чувствовалась твёрдость, за которой стояла ответственность. — А потом будете вольны сами решать: остаться или покинуть Оттамору. В любом случае властелин окажет вам помощь и гарантирует вашу безопасность.

— То есть… мы можем вернуться домой, в Иррилию? — проговорила Тереса, и в этом вопросе дрожала не просто надежда — в нём звенела целая жизнь, которую она пыталась собрать из осколков.

— Это ваш выбор, — ещё раз спокойно повторила Анна.

— Лиша, ты это слышала? — не удержавшись, Тереса порывисто подскочила к кровати, глаза её сияли, будто в них зажёгся маленький, нетерпеливый огонь.

Подруга улыбнулась ей в ответ, но улыбка вышла тонкой, как лёд на весеннем ручье: снаружи — ясная, а внутри — полная трещин. В её глазах не было той бурной радости, которую так отчаянно пыталась излучать Тереса. Анна, казалось, читала эти чувства без слов. Вернуться туда, где всё было разрушено, где каждый камень напоминал о потерянных, о тех, кого уже не обнять… Это не праздник — это испытание, в котором нужно заново учиться дышать.

Но, как она и сказала, этот выбор они должны сделать сами.

Повелительница повернулась, чтобы уйти, но у самого порога всё же остановилась. Не для того, чтобы добавить что-то важное, а чтобы оставить с ними не приказ, а тихий, почти домашний совет — как оставляют тёплый плед на плечах, когда за окном начинает холодать.

— Возможно, в скором времени в Иррилии начнётся война, — негромко добавила Анна уже с порога, и эти слова упали в тишину комнаты, как тяжёлый камень в спокойную воду — круги пошли, дрогнула гладь, и прежний покой уже не вернуть. — Поэтому, быть может, лучше немного переждать.

Девушки замерли, будто чьи-то невидимые руки вдруг стиснули им плечи, не давая шевельнуться. Они переглянулись — в этом взгляде мелькнуло что-то общее: растерянность, смешанная с тревогой, словно они вдруг увидели впереди не дорогу домой, а тёмный, изломанный путь, где каждый шаг грозит бедой. Их глаза, полные волнения, провожали закрывавшуюся за Повелительницей дверь, будто она уносила с собой не только голос Анны, но и последнюю уверенность в том, что всё будет хорошо.

Дверь тихо щёлкнула, вставая на место, и этот короткий звук прозвучал как черта, проведённая между «до» и «после». В комнате повисла тишина, густая и тяжёлая, в которой теперь слышались не радость и надежда, а осторожные, едва уловимые шаги страха. Тереса медленно обернулась к Лише, будто искала в её взгляде хоть крупицу спокойствия, но нашла там лишь отражение собственной тревоги.

А за дверью, в длинных, пустынных коридорах, шаги Повелительницы растворялись в полумраке — она шла дальше, оставляя за собой не только слова, но и тяжесть чужого выбора, который теперь предстояло сделать этим двум измученным, но не сломленным девушкам.

***

В полумраке походного шатра, пропахшего кожей, пылью и холодным железом, генерал Ардэн Тадж держал в руках не просто карту — он держал судьбу целой земли. Здесь, в этом тесном, но священном для армии пространстве, рождались решения, от которых зависели тысячи жизней. Здесь сплетались в тугой узел стратегия и отчаяние, расчёт и ярость.

Дела шли тяжело. Военные столкновения вспыхивали то тут, то там, словно искры от сырого костра — частые, злые, но не дающие настоящего жара. Главенство металось от одного лагеря к другому, перекатывалось, как тяжёлый шар по неровной доске. Но аркахалонцы держались. Они не позволили врагу перешагнуть границу — ни на шаг, ни на пядь. Их упорство было сродни камню, который вода точит, но не может сдвинуть.

После череды боёв Ардэн пересмотрел изначальный план. Астаринцы шли в союзе с вакхалийцами — а последние славились как искусные всадники и непревзойдённые лучники, чьи стрелы находили цель даже в густом дыму. В чём-то вакхалийцы напоминали варгалов — та же дикая, стремительная сила, та же звериная хватка в бою. Поэтому Ардэн перераспределил силы: аркахалонцам предстояло сдерживать астаринцев, а вакхалийцев взяли на себя варгалы под началом Руко Таша.

К тому же, несмотря на то что Левиния всё ещё зализывала раны после вторжения астаринцев и едва стояла на ногах, регент прислал подкрепление. Людей было немного, но в войне порой решает не количество, а тот самый лишний клинок, оказавшийся в нужный миг в нужном месте.

— Разведчики докладывают, что их силы в большей части собираются здесь и здесь, — докладывал один из командующих, водя пальцем по измятой карте.

— Видимо, они рассчитывают ударить одновременно с двух сторон, — добавил второй, хмуро щурясь, будто пытался разглядеть врага сквозь пергамент.

Ардэн молчал. Его взгляд скользил по линиям, изгибам рек, отметкам высот — по этой плоской, сухой схеме мира, в которой завтра могли погибнуть сотни.

— Пойдём на опережение, — наконец произнёс он, и голос его прозвучал как удар стального клинка о камень — чёткий, без дрожи. — Это наши земли. Мы знаем их лучше них.

Нападём ночью. Войдем в их лагерь отсюда и отсюда, — он ткнул пальцем в карту, будто вонзал остриё в самое сердце вражеской позиции. — Выделимся на четыре группы. Выступим после заката. Батуш, Ураф и Гиёк — вы с правого фланга. Руко, ты обеспечишь нас разведчиками. Нужно убрать часовых.

Арган, стоявший чуть в стороне, внимательно осмотрел карту.

— Десятерых варгалов хватит, — спокойно произнёс он, голос его звучал так же ровно, как лезвие, проверенное на ногте.

Генерал коротко кивнул, принимая эту уверенность как щит. В этот миг в шатёр скользнул один из воинов — запылённый, с тяжёлым взглядом человека, привыкшего приносить вести, от которых сжимается сердце.

— Генерал, — он склонился в коротком поклоне. — Прибыло письмо из столицы.

Ардэн принял свиток. Пальцы его сомкнулись вокруг него, будто он пытался выжать из бумаги саму суть происходящего. Руко, стоявший ближе всех, единственный заметил, как в один миг изменилось лицо генерала: будто по нему пробежала тень, густая и холодная, как предрассветный туман. Пока остальные командиры продолжали обсуждать детали плана, Руко тихо подошёл к Ардэну.

— Что-то случилось в столице? — спросил он тихо, так, чтобы услышал только генерал.

Ардэн не ответил. Он развернул письмо, пробежал глазами строки — и вдруг сжал бумагу с такой силой, что костяшки пальцев побелели, а пергамент захрустел, сдавленный, как горло в удушающем захвате. В его взгляде вспыхнула ярость — дикая, обжигающая, готовая сжечь всё вокруг.

В следующий миг он одним резким движением перевернул стол. Карты, чернильницы, глиняные фишки — всё полетело на пол, разлетаясь, как осколки разбитой надежды. Командующие в испуге отпрянули, глядя на своего генерала так, будто перед ними стоял не человек, а разбуженный вулкан.

Тяжело дыша, Ардэн швырнул в угол смятое письмо. Затем, не сказав ни слова, он резко развернулся и вышел, оставив за собой звенящую тишину и запах гари — будто в шатре только что пронеслась буря.

Пока командиры растерянно смотрели ему вслед, Руко наклонился и поднял брошенный свиток. Осторожно, чтобы не порвать и без того измученную бумагу, он расправил его, разглаживая пальцами каждую складку.

Письмо было от первого советника, айшира Анаташа. Весть начиналась спокойно: в столице всё под контролем, Дэниз Вейшад следит за порядком, никто не смеет нарушить мир, возведённый руками Повелительницы. Всё звучало ровно, уверенно, почти утешительно — вплоть до последней строки, которая ударила, как кинжал в спину:

«Повелительница Анна Баладжар покинула столицу в неизвестном направлении. Где она находится — никому неизвестно».

— Что там? — спросил один из командующих, голос его дрогнул, будто он уже догадывался, что ответ ему не понравится.

Руко Таш не ответил. Молча, с лицом, лишённым всяких эмоций, он бросил письмо в огонь. Пламя жадно лизнуло пергамент, и слова, которые могли бы изменить всё, обратились в пепел. Не оглядываясь, он вышел из шатра, оставив остальных наедине с их мыслями.

— Эти дикари ненормальные, — пробормотал один из командиров, нервно потирая шею.

— Они подчиняются только Повелительнице, — возразил другой, голос его звучал почти с уважением, смешанным со страхом. — Только она способна держать их в узде.

— Знаете, в такие моменты я думаю: хорошо, что мы на её стороне, — тихо произнёс третий, и в его словах не было бравады — только холодная, трезвая правда. — Сочувствую тем, кто идёт против неё.

Остальные молча кивнули. В их взглядах читалось одно и то же: это плохо. Очень плохо. Потому что когда исчезает тот, кто держит небо, оно начинает рушиться.

Глава 2

Шустрый заяц метнулся через тропу, мелькнул рыжим боком и тут же растворился в густой, непролазной зелени зарослей — будто его и не было, только сухие веточки хрустнули напоследок. Вскоре лес начал редеть, расступаться, обнажая простор, и всадники выехали на холм, поросший сочной, яркой травой, словно кто-то накинул на землю изумрудное покрывало. Вниз убегала узкая, извилистая тропка — тонкая жила, что тянулась прямиком к маленькой деревеньке, притаившейся в низине, будто пряталась от чужих глаз.

— Это деревня Алтика. Мы в Эрадасе, — произнёс Тавер, сверившись с потрёпанной картой, уголки которой давно истрепались от частых прикосновений.

Нина скривила свой хорошенький носик — так, будто почувствовала не свежий лесной воздух, а запах чего-то невыносимо неприятного.

— Надеюсь, у них есть постоялый двор с хорошей ванной. Я готова убить за ванну с горячей водой, — протянула она с усталой, но упрямой интонацией, в которой слышалась не просто усталость, а почти отчаяние.

Для неё это путешествие стало настоящей пыткой. Гаремный цветок, привыкший к шёлковым простыням, ароматным маслам и тёплой воде, она была совершенно не создана для долгих переходов верхом и ночёвок под открытым небом. И не упускала случая напомнить об этом каждому, кто готов был слушать. Особенно её мучило отсутствие нормальной ванны: чаще всего приходилось довольствоваться обтиранием влажной тряпкой и скупым умыванием у холодных ручьёв — и это терзало её куда сильнее, чем тряска в седле или жёсткая земля под спиной.

Анна устало вздохнула, будто этот разговор повторялся уже в сотый раз, и тихо, без раздражения, сказала:

— Я говорила уже много раз: никто из вас не обязан сопровождать меня. Вы можете вернуться домой в любой момент.

В ответ она услышала лишь сдержанное хмыканье и лёгкое фырканье — беззлобное, почти фамильярное. Никто из них и не думал её бросать.

— Ну уж нет, — решительно заявила Нина, словно отрезая любые попытки её переубедить. — Я не для того тащилась сюда, чтобы сейчас повернуть обратно.

— В деревне мы сможем узнать новости, — спокойно вставил Сайс, его голос прозвучал ровно, без лишних эмоций, но в нём чувствовалась практичная уверенность.

Анна кивнула. По всем правилам им стоило бы обойти деревушку стороной и двигаться дальше, строго по намеченному пути. Но запасы продовольствия таяли с каждым днём, а усталость уже не просто давала о себе знать — она сковывала движения, туманила мысли, ложилась на плечи тяжёлым плащом. Да и сама Анна не была исключением: в последнее время она всё чаще чувствовала, как земля будто слегка качается под ногами, а перед глазами на миг вспыхивают тёмные пятна. Головокружение накатывало волнами, и организм всё настойчивее требовал нормального отдыха — не просто короткого привала, а настоящей передышки: тёплой постели, тишины и покоя.

Больше всего ей хотелось услышать свежие вести. Эрадас граничил с Астарином, и люди здесь наверняка знали, что творится по ту сторону границы. Слухи, пересуды, обрывки новостей — всё это могло стать той самой ниточкой, за которую стоило потянуть.

И пусть это было лишь маленьким отступлением от плана, сейчас оно казалось не слабостью, а необходимостью. Даже не столько необходимостью, сколько тихой, почти стыдной надеждой: на горячую воду, на мягкую постель и на то, что хотя бы на одну ночь можно будет не быть Повелительницей, а просто уставшей женщиной, которой нужно немного тепла.

Где-то вдалеке прокатился глухой, тяжёлый раскат грома — будто где-то на краю мира кто-то с размаху ударил в огромный, потемневший от времени барабан. Анна обернулась к западу. Небо там хмурилось, наливаясь свинцовой тяжестью; ветер крепчал, гоня перед собой низкие, серые облака, похожие на усталых, измученных зверей. Буря надвигалась неумолимо, и лучше бы встретить её под крышей, а не на открытом склоне, где ветер сорвёт с тебя не только плащ, но и последние силы.

Глядя на это угрюмое небо, Анна вдруг вспомнила Ардэна — и сердце её сжалось, будто чья-то крепкая рука на миг стиснула его в тёплом, но тревожном кулаке. Как он там? Всё ли с ним хорошо? Знает ли он, что она покинула столицу? Скорее всего, знает. И наверняка сердится — ведь она ушла, не сказав ни слова, растворилась в дороге, как капля в реке. Но допускать мысль о том, что его уже могли сразить на поле боя, Анна не позволяла себе ни на миг. Ардэн не из тех, кто сдаётся. Он не сдастся даже самой смерти — будет спорить с ней до последнего вздоха, смотреть ей прямо в глаза и не отводить взгляда.

Ещё один раскат грома прокатился по небу, резкий и властный, и девушки невольно вздрогнули, будто этот звук хлестнул их по плечам. И странно было то, что, несмотря на по-прежнему яркое солнце, воздух вдруг стал зябким, колючим, пробирающим до костей. Ветер тянул с севера, холодный и настойчивый, словно пытался напомнить, что лето здесь — лишь короткая, робкая передышка. Нина и Ферухе поспешно поплотнее закутались в плащи, подтянули воротники к самым ушам. После солнечной, щедрой Аркахаллы этот северный край казался им почти нереальным — как будто они попали в чужую, суровую сказку, где даже солнце светит не для того, чтобы греть, а чтобы подчёркивать холод.

— Едем в деревню. Переждём грозу, — решительно произнесла Анна, голос её прозвучал твёрдо, без колебаний. — Говорить будем мы с Сайсом. Остальные помалкивают.

И, не дожидаясь ответа, она первой направила коня вниз по тропе, ведя отряд за собой.

Приказ был не прихотью, а холодной необходимостью. Анна и Сайс говорили на общем языке без всякого акцента — их речь не выдавала в них чужаков. Все остальные, даже стараясь звучать нейтрально, невольно выдавали себя аркахалонским говором: особой интонацией, чуть удлинёнными гласными, привычными оборотами, которые в этих краях сразу выдавали пришельцев. А Анна и Сайс были уроженцами Иррилии — и в этом заключалась их тихая, почти незаметная сила: умение сливаться с местностью, не привлекая лишнего внимания.

Тропа вилась вниз, уводя их прочь от открытого пространства, туда, где среди зелени пряталась деревня, обещавшая хотя бы краткий покой перед надвигающейся бурей. И пока ветер трепал плащи, а небо всё темнело, отряд двигался вперёд — не просто к укрытию, а к короткой передышке, где можно было на миг перестать быть Повелительницей, генералом, спутницей — и просто побыть человеком, которому хочется укрыться от грозы.

***

Хозяин постоялого двора — невысокий, лысый, но с пышной, огненно-рыжей бородой, похожей на языки пламени, — с подозрением оглядывал кучку закутанных в плащи путников, что появились на пороге его заведения. Грихша, его младший сын, уже успел доложить: вышли из леса, шестеро на лошадях да ещё с огромной псиной. Вошли только пятеро — значит, один остался сторожить коней и собаку. В глазах хозяина это было хоть и крошечным, но плюсом: значит, уважают чужие порядки, не лезут напролом.

Деревня была невелика, но стояла на пересечении двух крупнейших трактов — а потому путники здесь бывали часто, и хозяин давно научился читать по лицам, кто перед ним: честный торговец, усталый паломник или лиходей, прячущий нож под полой. Но эти пятеро вызывали тревогу. Они вышли со стороны леса, за которым лежала Оттамора — край, о котором в округе говорили шёпотом и с опаской, край, что славился тёмными делишками и людьми, у которых совесть давно истёрлась до дыр. И потому зоркий взгляд хозяина скользил по путникам, выискивая малейший признак угрозы, гадая, что они принесли с собой: добро или худо.

— Здравствуйте, уважаемый. Будет ли у вас для нас сытный завтрак да тёплая постель? — с приветливой, чуть усталой улыбкой обратилась к нему светловолосая девушка.

Хозяин ещё раз медленно оглядел их, будто пытался разглядеть сквозь плащи и усталость то, что скрыто от чужих глаз.

— Будет, конечно, чего ж не быть-то? Вы почитай что одни гости у меня: кто уже ушёл, другие ещё не заселились, — проговорил он, крутя кончик бороды, словно вытягивая из этого жеста крупицу уверенности. — Да вот только будут ли у вас деньги для оплаты?

— Обижаете, уважаемый, — покачала головой девушка, и в голосе её не было ни обиды, ни резкости — только спокойная твёрдость. — Тогда можно нам завтрак посытнее, да комнаты с водой, чтобы искупаться можно было?

— Можно. Вот только воды для каждого слишком уж много уйдёт, — буркнул мужик и махнул рукой мальчишке, чтобы тот позвал жену: она у него была главной поварихой, и без её слова ни одна ложка не попадала в миску.

— Достаточно будет по бочке для мужчин и для женщин отдельно, — устало отозвалась девушка.

И в этот миг перед глазами у неё всё снова закружилось, мир на мгновение поплыл, и она пошатнулась. Сайс, стоявший рядом, тут же подхватил её под локоть, удержал, не дав упасть. Хозяин постоялого двора чуть отодвинулся, настороженно вглядываясь в Анну, будто боялся, что болезнь — как дым — может перетечь к нему через воздух.

— А вы, уважаемая, часом не больны? — прямо в лоб спросил он, не скрывая тревоги.

— Устала она просто. Дорога была длинная, — спокойно, без раздражения ответил Сайс, прикрывая Анну своим ровным, уверенным тоном.

Мужик поцокал языком, но, хоть и оставался настороженным, чашу с чистой водой протянул без всяких требований оплаты. Анна приняла её с искренней, тёплой благодарностью, и этот простой жест будто чуть-чуть растопил лёд между ними.

— И откуда ж вы, люди добрые, путь держите? — начал свой привычный, почти ритуальный допрос хозяин, краем глаза поглядывая на местных, что сидели за столом у окна, потягивая прохладное пиво и прислушиваясь к разговору.

Анна заметила эти быстрые, осторожные переглядывания. И вместо того чтобы прятаться за уклончивыми словами, лукаво улыбнулась — так, что в этой улыбке мелькнули и усталость, и хитринка, и готовность сыграть по правилам этого маленького, настороженного мира.

— Да вы и так уж знаете, что вышли мы из леса со стороны Оттаморы, — сказала она, наблюдая, как метнулся взгляд хозяина к конопатому мальчишке, который снова выглянул из кухни, будто хотел убедиться, что всё идёт как надо. — Меня Аннушкой кличут. Это брат мой младший — Сайс. Вот тот, что повыше, — Тавер, брат моего покойного мужа. С ним — его жена и сестра. А на улице, вместе с нашей собакой, старый друг семьи.

Она сделала короткую паузу, словно давая словам осесть, стать чуть более настоящими.

— Из бывших рабов мы. На деревню нашу напали, нас в плен угнали. Муж мой рабства не пережил. А мы вот дожили до того, как власть новая в те места пришла, рабам свободу дала. Вот мы и возвращаемся домой — в Иррилию. Путь туда держим. Через Астарин хотели пойти напрямик, да услышали, что там война идёт. Вот и решили обойти. Дальше, конечно, да целее будем. А там, может, где и останемся. Ведь деревню нашу спалили. Осталось ли хоть что-то — бог его знает…

Слова лились спокойно, будто она рассказывала не историю, а простую, будничную правду, которую каждый день носят с собой, как тяжёлый, но привычный мешок. И в этой простоте было что-то обезоруживающее: не попытка обмануть, а признание, что у них нет ничего, кроме этой правды — и пусть она горькая, пусть рваная, но она настоящая.

К концу этой на ходу придуманной истории Анну слушали уже все, кто был в зале, — и не только. Даже жена хозяина, позабыв про кипящие котлы и шипящие сковороды, вышла из

кухни, вытирая слёзы краем передника. В другой руке она всё ещё сжимала куриную тушку, будто сама не замечала этого нелепого контраста: горестная история и будничное дело, сплетённые воедино.

Настроение в зале вмиг переменилось. Тяжёлый, настороженный воздух стал чуть легче, а взгляд хозяина, ещё недавно колючий и недоверчивый, теперь потеплел, смягчился. Анна не зря так долго и старательно расписывала их «тягости»: в Эрадасе рабство не просто не любили — его презирали, считали позором, пятном на земле. А ещё, упомянув Астарин, она ловко подбросила наживку, чтобы выудить свежие вести. И это сработало.

Хозяин без лишних слов поставил перед путниками ещё несколько чашек и разлил в них свежий, терпкий морс. Потом прикрикнул на жену, чтобы та наконец вернулась к стряпне, и на сына — чтобы тот поскорее организовал воду для гостей. В этом крике не было злобы, лишь привычная хозяйская строгость, за которой пряталась внезапно проснувшаяся забота.

— Да, несладко вам пришлось, — покачал головой хозяин, и в голосе его теперь звучало не подозрение, а искреннее сочувствие. — Мы тут слышали, что в богомерзкой Оттаморе сменился хозяин. Наконец-то за этими бандитами присмотр будет. Говорят, новый властелин там всех в узде держит.

— Та если бы, — отозвался один из местных, лениво потягивая пиво. — Я слышал, что он сам ничего не решает. Всем заправляет Повелительница Аркахаллы.

— Да ну, — не поверил второй, фыркнув с насмешливым недоверием. — Что этой девице до этих бандюганов?

— Так ведь она сама из рабынь будет, — вставил третий, спокойно и уверенно, будто говорил о чём-то само собой разумеющемся.

— Врешь! — снова прикрикнул второй.

— Да вот те крест! — обиженно воскликнул третий, прижимая руку к груди, словно клялся на собственной совести. — Мой шурин оттуда. Говорит, Повелительница рабыней во дворец попала. Стала женой сына Повелителя.

— Да не. Это она убила того повелителя, а новым своего мужа сделала.

— Не так всё было…

Голоса сплетались в гулкий, беспокойный хор, каждый тянул свою версию, и чем дальше, тем причудливее и абсурднее они становились. Анна молча пила морс, чувствуя, как тепло напитка понемногу разгоняет усталость. Её спутники слушали эти пересуды с жадным интересом, а на особо ярких моментах оборачивались к Повелительнице круглыми от изумления глазами — будто видели её впервые, будто только сейчас в полной мере осознали, какую женщину они сопровождают.

— Хватит! — рявкнул хозяин, обрывая этот поток домыслов, как обрывают слишком длинную, надоевшую песню. — Так это или нет — нам не ведомо. Но люди свою Повелительницу любят и уважают. А вы сами знаете, что заслужить любовь народа тяжело, а она это смогла. Значит, есть за что. У себя порядок навела получше, чем все повелители до этого, дикарей усмирила, Левинию под крыло взяла, Оттамору эту проклятую разогнала. Сильна Повелительница. Вот с такими дружбу водить должен царь наш. А он всё этому астаринцу в рот заглядывает…

Слова его прозвучали как приговор, тяжёлый и справедливый, и в зале повисла короткая, уважительная тишина.

— Кажется, у тебя есть фанаты и здесь, — едва слышно прошептал Сайс Анне на ухо, и в его шёпоте слышалась не насмешка, а тихая, почти семейная гордость.

Но Анна почти не слушала его. Всё её внимание было приковано к той самой оговорке хозяина — к словам о царе и астаринце. В груди шевельнулось что-то острое, тревожное.

— Так, значит, верно мы поступили, что не пошли в Астарин? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без дрожи.

Хозяин снова почесал бороду — этот жест уже стал почти ритуальным, будто так он вытаскивал из памяти самые важные слова.

— Верно. Там сейчас война, — проговорил он спокойно, но в этой простоте чувствовалась тяжесть правды. — Астаринец совсем от жадности обезумел. Погнал свои войска к границе Аркахаллы. В помощь ему пошли вакхалийцы, те, что сейчас в Иррилии. Да вот у Повелительницы тоже армия не дремлет. Отпор им дают. Вот недавно генералу её удалось подвинуть их дальше от границы.

Анна перевела дух, только сейчас заметив, что всё это время с силой сжимала чашку, будто пыталась удержать в ней не морс, а саму надежду. Пальцы побелели от напряжения, и, разжав их, она почувствовала, как возвращается ощущение реальности.

— Вот и говорю я, что с такими людьми дружбу водить надо, — подытожил хозяин, и в этих словах прозвучала не просто деревенская мудрость, а твёрдое, выстраданное убеждение, которое здесь, в этой простой комнате, казалось важнее любых дворцовых указов.

***

Перед сном Нина и Ферухе зашли в комнату к Анне. В воздухе витала неловкая, напряжённая тишина — будто все трое боялись спугнуть слова, которые вот-вот должны были прозвучать.

— Значит, дела у Ардэна идут хорошо… — Нина осторожно подбирала слова, будто ступала по тонкому льду. — Стоит ли нам продолжать путь?

Анна ответила без колебаний, и в её голосе прозвучала та самая сталь, которую знали все, кто хоть раз видел её в деле:

— Я не отступлюсь от своего плана.

— Нет так нет, — как можно беззаботнее отмахнулась Нина, но в этом жесте сквозила натянутость: она пыталась скрыть беспокойство за бравадой.

Из открытого окна потянуло прохладой — свежий, чуть влажный воздух ворвался в комнату, словно хотел смыть усталость. Но вместо облегчения Анна снова почувствовала подступающую тошноту. Она шагнула к окну, жадно вдыхая прохладу, будто пыталась наполнить ею не лёгкие, а саму душу.

Ферухе, которая до этого что-то искала в сумке с вещами, вдруг замерла — так резко, будто налетела на невидимую стену. Нина заметила это и теперь не сводила с неё глаз, пытаясь прочесть в каждом движении разгадку. Ферухе резко обернулась к Анне, а потом, не сказав ни слова, метнулась к двери и выскользнула в коридор.

— Что это с ней? — удивлённо спросила Нина, переводя взгляд с двери на Анну.

Анна молча пожала плечами, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на догадку — горьковатое, осторожное, будто она боялась поверить.

Вскоре Ферухе вернулась, и следом за ней вошёл Сайс. Лицо девушки пылало от волнения, а лекарь выглядел непривычно задумчивым — словно нёс в себе тайну, слишком тяжёлую для обычных слов. Нина переводила взгляд с одного на другого, сгорая от любопытства.

— Анна, присядь, пожалуйста, — тихо, но твёрдо произнёс Сайс.

— Ферухе, зачем ты навела панику? Со мной всё хорошо. Просто усталость после дороги, — недовольным, чуть резковатым тоном отозвалась Повелительница, но всё же послушно опустилась на край кровати.

Сайс взял её за руку, чтобы послушать пульс, и пальцы его на мгновение сжались чуть крепче — не от силы, а от напряжения.

— Я буду задавать вопросы, а ты отвечай честно, пожалуйста, — он посмотрел Анне прямо в глаза, и в этом взгляде не было ни намёка на снисхождение — только забота, острая, как лезвие. — Тошнота и головокружение начались с Оттаморы?

Анна хотела было снова отмахнуться, привычно спрятать слабость за гордостью, но встретила его взгляд — и не смогла солгать.

— Всё верно, — кивнула она, опустив ресницы.

— Нина, Феру, — Сайс обернулся к девушкам, — выйдите, пожалуйста.

Нина уже открыла рот, чтобы возразить, но Ферухе настойчиво потянула её к двери.

— Да что случилось, наконец? — не выдержала Нина, едва за ними закрылась дверь.

Ферухе тихо, почти шёпотом, произнесла:

— Красные дни Анны. Их нет.

Только теперь Нина поняла, что в руках у Ферухе были те самые тряпицы, которые женщины держат на случай таких дней. В её глазах вспыхнули изумление и робкая, почти стыдливая надежда.

До них долетел голос Анны — чуть дрожащий, упрямый:

— Это всего лишь случайность. Этого не может быть…

— Позволь мне убедиться в этом, — так же тихо, но с искренней, тёплой заботой ответил Сайс.

Девушки замерли у двери, крепко вцепившись друг в друга пальцами, будто только эта хватка не давала им рассыпаться от волнения. Именно такими их и застал Тавер.

— Что вы здесь делаете? — спросил он, нахмурившись.

Но Нина даже не взглянула на него.

— Ты думаешь, что…? — прошептала она, обращаясь только к Ферухе.

— Пусть Рохан благословит её, — ответила Ферухе, и голос её дрогнул от слёз. — Она как никто заслужила счастье.

Тавер переводил взгляд с одной на другую, чувствуя себя так, будто все вокруг говорят на незнакомом языке. Это незнание раздражало его, но он сдерживался.

Дверь открылась, и на пороге появился Сайс. Он аккуратно прикрыл её за собой, словно хотел удержать внутри ту самую тайну, которая только что родилась.

— Ну? Что? — набросились на него девушки.

— Да что такое? — уже не выдержал Тавер, голос его прозвучал чуть резче обычного.

— Феру оказалась права, — с нескрываемой радостью объявил Сайс, и даже его сдержанное лицо озарилось улыбкой.

Девушки бросились друг к другу, обнялись, смеясь и плача одновременно. Ферухе шептала молитвы Рохану, не скрывая слёз. Нина кинулась к Сайсу, крепко обняла его, а потом, не думая, обхватила и Тавера. Тот на мгновение замер, а потом механически обнял её в ответ, всё ещё не понимая, что происходит.

— Пойдём к ней! — рванулась Нина к двери.

— Постой, — остановил её Сайс. — Дай ей время свыкнуться с этой мыслью.

— Да, наверное, ты прав, — согласилась Нина, и в её согласии слышалось не разочарование, а уважение к той тишине, которая сейчас была нужна Анне.

— Кто-нибудь объяснит мне, в чём дело? — снова спросил Тавер, и теперь в его голосе звучало не раздражение, а искренняя просьба.

Сайс посмотрел на него с лёгкой, тёплой усмешкой.

— Наша Повелительница ждёт ребёнка.

Тавер застыл, переваривая эти слова. Потом изумлённо перевёл взгляд на Сайса, затем на Нину. Та улыбнулась и кивнула. На мгновение на его лице вспыхнула широкая, светлая улыбка, а затем брови сошлись в лёгком, привычном хмуром изгибе.

— Постойте, — сказал он, будто вдруг увидел подвох. — А кто отец?

Нина закатила глаза, а Ферухе тихонько рассмеялась.

— Ардэн, конечно. Кто же ещё? — ответила Нина.

Улыбка снова озарила лицо Тавера, на этот раз — ещё шире, ещё искреннее.

— Значит, наш Ардэн, хмурый генерал Ардэн Тадж, станет отцом?

Нина снова кивнула, и в этом кивке было столько тихой радости, что она, казалось, могла осветить весь этот тёмный коридор.

***

Пока за дверью звенел тихий, счастливый смех, пока друзья шептались, обнимались и шептали молитвы, сама Анна всё так же сидела на краю кровати — будто боялась пошевелиться, будто любое движение могло разрушить эту хрупкую, едва родившуюся правду.

Она не могла поверить, что под её сердцем растёт новая жизнь. Пальцы невольно легли на живот, но не в жесте гордости или предвкушения — а в осторожном, почти испуганном прикосновении, словно она пыталась нащупать то, во что ещё не смела поверить.

В памяти вдруг вспыхнул тот самый день — тот, что навсегда разделил её жизнь на «до» и «после». Трагичный, безжалостный, выжженный болью до самого дна. Тогда она потеряла первенца — и вместе с ним, казалось, потеряла и саму возможность когда-либо снова испытать это тихое, сокровенное счастье. С тех пор Анна давно уже смирилась с этой пустотой. Она приняла её как неизбежность, как холодный, но твёрдый камень, на котором можно строить новую жизнь. И целиком, без остатка, посвятила себя другому: мести, долгу, служению государству — всему тому, что не требовало от неё быть слабой, не заставляло надеяться и бояться одновременно.

А теперь… теперь эта тишина внутри вдруг наполнилась чем-то новым. Не криком, не торжеством — а тихим, едва уловимым трепетом, от которого становилось и радостно, и страшно.

«И что дальше?» — этот вопрос висел в воздухе, тяжёлый и простой, как камень на ладони.

Анна подняла взгляд на тёмное окно, где ночь уже окончательно вступила в свои права, и звёзды казались далёкими и равнодушными свидетелями её смятения. Впереди ждала не просто дорога — её путь теперь вёл сквозь войны, заговоры, чужие амбиции и собственную гордость. И теперь ей предстояло идти по нему не одной.

Мысль об Ардэне пришла сама собой — не как утешение, а как ещё одна грань этой новой реальности. Он узнает. И что он почувствует? Радость, смятение, страх за неё — или тяжесть ответственности, которую он всегда принимал как должное? Она не знала. Но впервые за долгое время в груди шевельнулось не только чувство долга, но и что-то тёплое, живое — желание, чтобы он был рядом.

Тихие голоса за дверью вдруг стихли. Кто-то осторожно постучал.

— Анна… можно? — прозвучал голос Нины, мягкий, но настойчивый.

Повелительница медленно опустила руку, выпрямилась, пытаясь вернуть себе привычную осанку. Но в этом движении уже не было прежней стальной отрешённости — в нём сквозила новая, пока ещё робкая решимость.

— Входи, — тихо сказала она, и в этом слове прозвучало не разрешение, а признание: да, жизнь меняется. Да, она готова принять это. Даже если пока ещё боится.

***

Утро разлилось по общему залу постоялого двора тёплым, рассеянным светом, будто само солнце старалось быть помягче, не слепить глаза. Вся компания уже собралась за столом, неспешно завтракала, а Анну никто не стал будить — после вчерашнего ей особенно нужен был покой. Да и с вечера к ней так никто и не зашёл: каждый будто боялся нарушить ту хрупкую тишину, в которой ей предстояло остаться наедине с новой, ещё непривычной правдой.

— Доброе утро, — прозвучал голос Повелительницы, спокойный, чуть приглушённый, как бывает, когда человек ещё не до конца проснулся, но уже готов встретить день.

— Доброе, — ответили ей нестройным хором, и в этом ответе слышалось не просто приветствие, а что-то большее: осторожное, бережное отношение, словно они боялись спугнуть её новым тоном.

Нина и Ферухе не смогли сдержать улыбок — они смотрели на подругу так, будто видели в ней не прежнюю Анну, твёрдую и неприступную, а кого-то нового, уязвимого и оттого ещё более дорогого. Тавер и Сайс держались сдержаннее: их лица оставались спокойными, почти бесстрастными, и казалось, будто всё их внимание поглощено завтраком. Но в этой сосредоточенности на еде было не равнодушие, а старание скрыть волнение, спрятать его за привычными действиями.

Когда хозяйка поставила перед Анной её порцию, Повелительница мягко придержала её руку.

— Пожалуйста, соберите нам еды с собой.

— Конечно, конечно, — с улыбкой отозвалась женщина, и в её добродушии не было ни капли наигранности: жители деревни и правда оказались на редкость отзывчивыми и общительными. Они искренне сочувствовали «несчастным путникам» и даже предлагали остаться здесь: мол, и жильё дадут, и работу подберут, стоит только захотеть. В их словах не было корысти — лишь простое человеческое желание помочь тем, кому пришлось нелегко.

— Мы едем обратно? — тихо спросила Нина, вглядываясь в лицо подруги, будто пыталась прочесть в нём хоть намёк на сомнение.

Анна молча ела, размеренно и сосредоточенно, словно сама эта рутина помогала ей держать чувства под контролем. Наконец она подняла глаза на Нину.

— Мы продолжим путь. И я устала в сотый раз повторять одно и то же: если кого-то что-то не устраивает, я вас не держу, — проговорила она хмуро и снова склонилась над тарелкой, будто хотела спрятаться за этим простым действием от всех вопросов и упрёков.

Нина и Ферухе озадаченно переглянулись. Сайс нахмурился, сдвинув брови, а Тавер отвернулся к окну, делая вид, что происходящее там — скользящие по стеклу солнечные блики, далёкие очертания холмов — интересует его куда больше, чем разговор за столом.

— Но разве теперь… — осторожно начала Ферухе, подбирая слова, словно ступала по тонкому льду.

Анна со стуком положила ложку на стол. Звук вышел неожиданно резким, гулким, будто удар маленького молоточка, и даже хозяин, выглянувший из кладовой, удивлённо приподнял брови, пытаясь понять, кто нарушил утреннюю тишину. Анна тут же виновато улыбнулась ему. Бородатый мужчина шутливо погрозил ей пальцем, словно выговаривая за излишнюю горячность, и снова скрылся в полумраке кладовой.

Повелительница повернулась к своим друзьям. Теперь в её взгляде не было и тени улыбки — только твёрдость, в которой чувствовалась не жестокость, а решимость, выкованная из боли и опыта.

— Несмотря на… — она запнулась, подбирая правильные слова, стараясь, чтобы они прозвучали не как оправдание, а как констатация факта. — На последние новости, я не намерена менять свои планы.

— Последние новости? — Нина не скрывала изумления, голос её дрожал от смеси тревоги и возмущения. — Анна, ты беременна! Это чудо, понимаешь? После трагедии с вашим с Одашем сыном ты и подумать не могла, что когда-нибудь снова сможешь зачать. А теперь ты собираешься рисковать жизнью этого ребёнка. Ради чего? Ради мести? Ты в своём уме вообще? Сайс, а ты почему молчишь?

— Говори тише. Люди могут услышать, на каком языке ты говоришь, — вместо ожидаемой поддержки резко шикнул на неё лекарь, и в его голосе слышалась не холодность, а страх — страх того, что чужие уши услышат слишком многое.

— Да плевать я хотела на них! — резко ответила Нина, и в этой вспышке было столько искренней, отчаянной заботы, что она казалась почти криком души. — Кто-то должен вразумить эту упрямую женщину! Разве ехать столько времени верхом на лошади, спать на сырой земле, мокнуть под дождём и жариться под палящим солнцем не вредно для беременной? И

это не говоря уже о других опасностях — о разбойниках, о незнакомых царях, которые, возможно, с радостью сдадут нас королю Астарина!

— Конечно, это может навредить, — согласился Сайс, но тут же, поймав на себе тяжёлый, неподвижный взгляд Анны, поспешил добавить: — Но женщины Вакхалии всю беременность проводят именно в таких условиях — и рожают крепких, здоровых детей. В этом есть своя правда: выносливость — не слабость, а сила, закалённая жизнью.

В зале повисла тишина, густая и неловкая, словно все вдруг почувствовали, как хрупок этот момент, как легко можно было бы разрушить то, что Анна с таким трудом удерживала внутри себя — свою решимость, свою ответственность, свою готовность идти вперёд, несмотря ни на что.

Нина смотрела на Сайса, сощурив глаза так, будто пыталась разглядеть в нём не старого друга, а чужого, непонятного человека.

— Браво, Сайс, — покачав головой, процедила она, и в этом «браво» не было ни капли восхищения — только горькая насмешка.

— Нина, хватит, — твёрдо оборвала её Анна, голос прозвучал как щелчок кнута — коротко и безапелляционно. — Вопрос закрыт. Я не буду ничего менять.

— Да ты точно с ума сошла, — не унималась бывшая наложница, слова срывались с её губ, будто острые осколки. — Хорошо. Я уверена, что Ардэн уж точно сможет тебя вразумить. Он точно не станет сидеть сложа руки.

Нина сложила руки на груди и откинулась на спинку стула, словно каждое движение должно было подчеркнуть её уверенность. В мыслях она уже видела эту сцену: хмурый, суровый Ардэн, который, узнав обо всём, не станет слушать никаких доводов, просто возьмёт Анну за руку и уведёт прочь от этой безумной затеи. Старый вояка Ардэн будет отличным отцом — в этом Нина не сомневалась ни на миг. Хотя, признаться, ей до сих пор было странно представлять этого угрюмого генерала в роли заботливого родителя. Но она верила: он — единственный, кто способен пробиться сквозь эту непробиваемую броню упрямства, в которую Анна так старательно куталась.

Анна потянулась за стаканом с морсом, будто этот простой жест мог заслонить её от всех вопросов. Она двигалась спокойно, почти лениво, но что-то в её взгляде заставило Нину вдруг напрячься — какая-то тень, мелькнувшая на долю мгновения и тут же спрятавшаяся за привычной маской невозмутимости. И тут её осенило.

— Постой, — прошептала она, и голос её вдруг стал тише, но от этого только страшнее. — Только не говори, что ты не собираешься сообщать Ардэну о беременности!

Теперь на Анну смотрели все. Даже Тавер, который всё это время старательно делал вид, что его куда больше интересует узор на деревянной балке под потолком, чем их перепалка, резко обернулся, и в его взгляде читалось не любопытство, а тревога — та самая, что появляется, когда понимаешь: сейчас прозвучит что-то, способное всё перевернуть.

— Я никому ничего не собираюсь говорить, — спокойно, почти буднично произнесла Анна, подтверждая худшие опасения Нины.

— Но разве отец не генерал Тадж? — тихо, едва слышно спросила Ферухе, и тут же поймала на себе три возмущённых взгляда. Она растерянно пожала плечами. — Что?

Нина отвернулась от Ферухе, будто ей было невыносимо видеть эту невинную растерянность.

— Анна, я тебя не понимаю, — в её голосе уже не было злости — только усталость и обида, горькие, как пепел. — Ладно, ты не хочешь отказываться от встречи с царём, хочешь продолжать путь. Но почему ты не скажешь Ардэну о ребёнке?

— Хватит! — неожиданно громко, почти резко выкрикнула Анна, и этот голос, обычно такой ровный, вдруг прозвучал как раскат грома в тесной комнате. — Я повторяю в последний раз: ничего менять я не собираюсь, и ничего никому говорить — тоже. Забыли обо всём.

Считайте, что это прямой приказ вашей Повелительницы. Если кого-то что-то не устраивает — уходите.

С этими словами она откинулась на спинку стула, скрестив руки, и на её лице застыла та самая маска, которую знали все: холодная, непроницаемая, словно высеченная из камня.

Вскочив со своего места, Нина шумно выдохнула, будто из неё разом вырвали весь воздух. Уперев руки в стол, она сердито смотрела на подругу, и в её глазах плескалась не просто обида — там была настоящая буря, готовая вот-вот прорваться наружу.

— А знаешь, что, Повелительница? Наверное, мне действительно лучше уйти, — прошипела она, и каждое слово было как удар.

— Дверь в той стороне, — холодно бросила Анна, коротким, небрежным жестом указав на выход.

Нина резко выдохнула сквозь стиснутые зубы, развернулась так резко, что стул с жалобным скрипом отъехал назад, и, не оглядываясь, выскользнула за дверь, оставив после себя звенящую тишину.

Ферухе замерла, переводя растерянный взгляд с закрытой двери на невозмутимо сидящую рядом Анну. Она не знала, что делать: броситься за подругой, попытаться что-то сказать или просто сидеть и ждать, когда эта ледяная маска наконец треснет. Её пальцы нервно теребили край платка, выдавая внутреннюю борьбу.

Сайс тихо опустил голову на руки, словно тяжесть этого разговора вдруг стала физически ощутимой, и теперь ему нужно было хоть на мгновение спрятаться от всех этих взглядов, от этой правды, от этой боли, которая расползалась по комнате, как тёмная вода.

***

Ферухе нашла Анну в комнате — та яростно запихивала вещи в дорожную сумку. Каждое движение было резким, злым, будто Анна хотела наказать не только упрямые складки ткани, но и саму судьбу, что так бесцеремонно вмешалась в её планы. Аркахалонке на мгновение даже стало жаль несчастную сумку: казалось, ещё немного — и грубая ткань просто лопнет под напором скомканных одежд.

Услышав за спиной осторожные шаги, Анна резко обернулась — в её взгляде уже горела готовность к обороне, будто она заранее знала, что сейчас начнётся новый раунд спора.

— Только не нужно всего этого, Феру, — сразу выставила она невидимый щит, голос звучал жёстко, почти грубо.

Ферухе тихо вздохнула и, не говоря ни слова, мягко, но уверенно забрала у неё сумку. Внутри вещи лежали так, словно их швыряли туда вслепую: скомканные, смятые, впихнутые кое-как. Сумка казалась набитой до отказа, хотя туда не попало и половины того, что действительно понадобится в дороге. Ферухе вывернула всё обратно на кровать и принялась аккуратно, по одной, складывать вещи, разглаживая каждую складку, будто этим простым действием могла хоть немного успокоить бурю, бушевавшую в душе подруги.

— Почему вы все решили, что знаете, как будет лучше для меня? — не унималась Анна, начав мерить шагами небольшую комнату. Её шаги звучали глухо, размеренно, как удары молота по наковальне. — В конце концов, это моя жизнь… и мой ребёнок!

Произнеся последнее слово, Повелительница вдруг резко остановилась и удивлённо посмотрела на Ферухе — будто сама не ожидала, что оно сорвётся с её губ. Это было впервые со вчерашнего вечера, когда она вслух назвала то, что жило под её сердцем. В этом простом слове вдруг прозвучало не упрямство, не вызов, а тихое, осторожное признание: она наконец приняла этот факт, позволила ему занять своё место в реальности.

— Ты же знаешь, что всё это — забота, — спокойно, без упрёка произнесла Ферухе, продолжая своё дело. — Так мы показываем, что дорожим тобой и волнуемся.

Анна на мгновение замерла, а потом тихо выдохнула и опустила плечи, будто с них свалился тяжёлый, невидимый груз.

— Знаю, — прошептала она, и в этом признании слышалась не слабость, а редкая, почти болезненная искренность.

Ферухе отложила сумку и повернулась к Анне. В её глазах не было ни осуждения, ни давления — только тихая просьба понять.

— Тогда объясни, пожалуйста, — мягко попросила она. — Нина ведь права: твоя беременность — это дар богов. Почему вместо того, чтобы вернуться домой, туда, где безопасно, ты хочешь с головой нырнуть в самую бездну? Неужели жажда мести настолько крепка?

Анна подняла на неё свои синие глаза — и Ферухе вдруг увидела в них то, чего никогда прежде не замечала в своей Повелительнице: самый настоящий, ледяной, пронзительный страх. Чувство, которое, казалось, вообще не имело права существовать рядом с её стальной волей и непреклонной решимостью.

— Я не хочу, чтобы этот ребёнок повторил судьбу нашего с Одашем первенца, — произнесла Анна едва слышно, и каждое слово давалось ей с трудом, будто она разрывала что-то внутри себя, чтобы выпустить эту правду наружу.

Ферухе замерла, а потом медленно выдохнула. Сердце её сжалось от острой, почти физической жалости и сочувствия. Теперь всё встало на свои места — она наконец поняла, что двигало Анной, какая тень гнала её вперёд, заставляя отвергать любую мысль о покое. Но в то же время…

— Тамиша больше никогда не посмеет повторить содеянное, — тихо, но твёрдо сказала Ферухе, вкладывая в эти слова всю свою уверенность. — Она уже заплатила за то, что сделала. И больше не сможет причинить тебе боль.

— Не Тамиша, так кто-то другой, — покачала головой Анна, и в этом жесте не было упрямства — лишь горькая, выжженная опытом уверенность.

— Мы не допустим этого, — твёрдо, почти с вызовом произнесла Ферухе, будто одной своей волей могла заслонить подругу от любой беды.

— Ты не понимаешь, — с жаром отозвалась Анна, и голос её дрогнул, выдавая ту самую внутреннюю бурю, которую она так старалась скрыть. — Ни ты, ни кто-либо другой не в силах это изменить!

Она сжимала и разжимала кулаки, словно пыталась удержать в пальцах ускользающую надежду или, напротив, выжать из себя всю слабость, чтобы остаться только сталью и решимостью. Ферухе не стала её торопить, не стала подталкивать словами. Она просто стояла рядом — тихо, неподвижно, как скала, о которую разбиваются волны. И эта тишина была сейчас важнее любых утешений: она давала Анне право выговориться, не боясь, что её перебьют или не поймут.

— Когда Аджерхан убил мою семью, я дала клятву богам, — проговорила Анна, и слова её звучали не как исповедь, а как приговор, высеченный в камне. — Во что бы то ни стало я должна отомстить и вернуть свою страну. И, как ни странно, боги действительно откликнулись на мою просьбу… и одарили меня даром. Ты и сама знаешь: любой, кто даст мне божественную клятву, не сможет ослушаться.

Ферухе молча кивнула. Да, она знала. На руках и шеях всех приближённых Анны виднелись тонкие, едва заметные метки — следы той самой клятвы. Но в отличие от многих, эти люди давали её добровольно, зная все последствия до последнего вздоха. И никто из них ни разу не пожалел о своём выборе.

— Но вместе с даром они надели на меня оковы, — продолжила Анна, и теперь в её голосе слышалась не гордость, а тяжесть, которую она носила годами.

Под пристальным, напряжённым взглядом Ферухе она закатала рукав и обнажила левое предплечье. Затем вынула шпильку из волос — ту самую, что удерживала пряди в строгой причёске, — и с силой надавила острым концом на кожу. Так сильно, что выступила капля крови, тёмная и густая, словно смола.

Ферухе тихо вскрикнула и рванулась к подруге, чтобы остановить её, но в следующий миг замерла, будто налетела на невидимую стену. В том месте, куда пришёлся укол, внезапно вспыхнул яркий, золотистый свет — не обжигающий, но такой пронзительный, что на мгновение казалось, будто сама ткань реальности там истончилась. Свет вспыхнул и тут же погас, словно его и не было. Но удивление Ферухе вызвало не это мимолётное сияние, а то, что случилось потом.

На коже Анны проступил причудливый узор — тонкие, переплетающиеся линии, будто кто-то вышил на её коже невидимую вязь. Узор был золотистым, ярким, почти живым, но с каждой секундой становился всё бледнее, пока не растворился совсем. А крошечная ранка на коже затянулась, словно её и не бывало, — не осталось ни следа, ни шрама, ни намёка на боль.

Ферухе застыла, не в силах вымолвить ни слова. Она смотрела на предплечье Анны, будто пыталась запомнить каждую линию, каждый оттенок, чтобы потом убедиться: ей не померещилось.

— Я не знаю, почему моя метка отличается от вашей, — глухо произнесла Анна, по-прежнему не поднимая глаз. — И эта странная сила заживления работает только здесь, на этом месте. Но я точно знаю одно: это знак того, что боги следят за мной. Всегда. И если я хоть немного отклонюсь от своего пути — как было с Одашем и нашим сыном, — они жестоко напомнят мне об этом.

Она замолчала, и тишина в комнате стала густой, почти осязаемой. Ферухе ещё долго не могла собраться с мыслями. Перед её глазами всё ещё стоял этот золотистый узор, вспыхнувший и исчезнувший, как падающая звезда. Она всегда знала, что Анна — любимица богов, но никогда не догадывалась, какой ценой покупается эта «любовь». Теперь страхи и сомнения Анны стали ей до боли понятны. И ещё яснее стало то, почему, несмотря на все тревоги и новости, Анна стремилась закончить начатое — и сделать это как можно скорее.

— Ты всегда можешь рассчитывать на меня, — проговорила Ферухе, сжав кулаки так, что побелели костяшки, и посмотрела на Анну с той самой непоколебимой уверенностью, которая рождается не из слепой веры, а из преданности, проверенной годами. — Что бы ни случилось.

Анна ответила ей печальной, но тёплой улыбкой — улыбкой, в которой было столько благодарности, что она казалась почти болезненной.

— Но позволь спросить, — тихо, осторожно начала Ферухе, не решаясь нарушить хрупкое равновесие, но не в силах больше держать вопрос в себе. — Почему ты не хочешь сообщить эту новость генералу?

Анна медленно подошла к кровати и присела на самый краешек, будто ноги вдруг перестали её держать. Её взгляд устремился куда-то вдаль, сквозь стены, сквозь время, туда, где жили воспоминания, слишком тяжёлые, чтобы носить их в себе каждый день.

— Ты помнишь, каким счастливым был Одаш, когда мы ждали сына? — спросила она, и голос её стал тише, мягче, почти шёпотом.

Ферухе кивнула, осторожно опускаясь рядом, словно боялась спугнуть эти воспоминания резким движением.

— А помнишь, как ему было больно, когда наш мальчик… — Анна запнулась, будто само слово могло снова разорвать ей сердце. — Он никогда не винил меня в случившемся. Ни разу. Но его взгляд с тех пор изменился. В нём поселилась тень, которую уже ничем не прогнать. Если и с этим ребёнком что-то случится… я не хочу, чтобы Ардэн страдал так же. Не хочу снова увидеть этот взгляд.

Слезы тихо покатились по её щекам. Анна удивлённо коснулась мокрой кожи, будто только сейчас поняла, что плачет. Ферухе тут же обняла её, крепко, по-сестрински, прижимая к себе, словно могла своим теплом заслонить её от всех бед.

— Всё будет хорошо, — тихо прошептала она, и в этих словах не было пустых обещаний — только вера, которую она изо всех сил старалась сделать крепкой, чтобы её хватило на двоих.

***

Нина бродила по полутёмной конюшне, бормоча себе под нос проклятия — тихие, яростные, сплетавшиеся в неразборчивую вязь слов. Она пыталась оседлать свою лошадь, но всё шло наперекосяк: то седло сползало вбок, то упряжь никак не хотела затягиваться, будто сама судьба дразнила её этой упрямой непослушностью. Бедная лошадь косилась на хозяйку шоколадным, почти обиженным взглядом, переминалась с ноги на ногу, но терпела — терпеливо и с достоинством, как умеют только благородные животные.

— Почему мне кажется, что слова «упёртая дура» относятся вовсе не к лошади? — прозвучал за спиной чуть насмешливый, но не злой голос Тавера.

В тот же миг седло, будто в подтверждение его слов, окончательно съехало в сторону и с глухим стуком рухнуло на землю, подняв лёгкое облачко пыли у ног Нины.

— Проклятье! — рыкнула она и, не сдержавшись, пнула упрямую вещь ногой.

Лошадь нервно забила копытом, будто хотела сказать: «Ну хватит уже!» Тавер тихо хмыкнул, мягко отодвинул Нину в сторону, поднял седло и принялся ловко, уверенно, без лишней суеты возиться с упряжью. У него всё получалось легко, будто само дело ложилось в руки, и уже через пару мгновений лошадь стояла готовая к дороге — спокойная, собранная, словно и не было всей этой суматохи.

Нина молча наблюдала за ним. Что-то в этих спокойных, уверенных движениях действовало на неё как тихая, невидимая вода, смывающая раздражение. Когда Тавер провёл ладонью по могучей шее лошади — медленно, ласково, по-хозяйски, — в груди у Нины вдруг шевельнулось что-то странное, тёплое и пугающее одновременно. Ей вдруг отчаянно захотелось почувствовать эту шершавую, сильную руку на своей коже — просто чтобы убедиться, что мир всё ещё твёрдый, настоящий, осязаемый. Испугавшись собственных мыслей, она резко встряхнула головой, прогоняя наваждение.

Тавер обернулся. Нина изо всех сил старалась выглядеть равнодушной, холодной, будто её вообще ничего не тревожит. Она молилась про себя, чтобы лицо не выдало ни одной из этих постыдных, сбивающих с толку мыслей.

— Почему ты так злишься? — спросил Тавер, не отводя взгляда. — Повелительница — взрослый человек. Она сама принимает решения. Под её властью — целые государства. И, прошу заметить, вполне процветающие. Ты что, не доверяешь ей?

— При чём здесь доверие? — резко бросила Нина, складывая руки на груди, словно этим жестом могла отгородиться не только от вопросов, но и от собственных чувств.

Весь её вид говорил: «Не лезь ко мне с разговорами, телохранитель». Но Тавер не отступил.

— И всё же? Почему?

Нина шумно выдохнула, опустила руки. Подойдя ближе, она положила ладонь рядом с рукой Тавера — на тёплую, гладкую шею лошади. Её рука рядом с его широкой, загрубевшей от битв и дорог ладонью казалась совсем маленькой, хрупкой, почти детской. И этот контраст неожиданно успокоил её, будто напомнил: рядом есть кто-то сильный, на кого можно опереться, даже если ты никогда в этом не признаешься.

— Ты говоришь: «Повелительница, управляющая государствами»… — проговорила она тихо, не глядя на Тавера. — Но для меня, для Феру, Сайса и Чоксо она значит куда больше. Она нам родная. Я до сих пор не знаю, почему в ту ночь не прошла мимо рабыни, сидевшей в темноте. Сколько их было до неё и сколько после… Но пройти мимо Анны я не смогла. И не понимаю, почему вообще заговорила с ней. Может, на то была воля богов? Может, они решили, что мы нужны друг другу? Так или иначе, это случилось. И когда я впервые заговорила с ней, я почувствовала родственную душу. Между нами возникла связь — крепкая, как стальной трос, который не разорвать. Любой из нас, не задумываясь, отдаст за неё жизнь. И она сделает то же самое ради нас. Мы волнуемся, переживаем, любим… Я люблю её. И потому мне невыносимо

видеть, как она, гонясь за своей целью, теряет собственное счастье. Меня злит, что она всегда думает о ком-то другом, а не о себе. Злит, что, следуя этой своей клятве, она в конце концов потеряет себя… И вот в такие минуты я правда жалею, что в ту ночь не прошла мимо!

— Ты так не думаешь. И никогда не жалела, — вклинился в их разговор спокойный, чуть усталый голос Сайса.

Они оба обернулись. Сайс стоял в проёме двери, прислонившись плечом к деревянной балке. В его взгляде не было осуждения — только тихая, выстраданная мудрость человека, который слишком многое видел и потому не спешил судить чужие чувства.

Нина резко отпрянула от Тавера — так стремительно, будто сама испугалась той близости, что на мгновение возникла между ними. Для Тавера это стало тихим, почти незаметным разочарованием — он лишь чуть заметно нахмурился, но ничего не сказал. Сайс тем временем подошёл к лошадям Анны и Ферухе и принялся деловито готовить их к выезду: проверял подпруги, ощупывал ремни, будто искал в этих простых, механических движениях опору, чтобы не выдать, сколько всего крутится у него в голове.

— А ты откуда знаешь? — буркнула Нина, снова складывая руки на груди — этот жест уже стал для неё чем-то вроде доспеха.

— Знаю, и всё, — спокойно ответил Сайс, не поднимая глаз, будто и так было ясно, что спорить тут бесполезно. — Как знаю и то, что, несмотря на все свои крики, ты не повернёшь назад, а поедешь с нами.

— Ещё чего! — фыркнула она, но в этом фырканье уже не было прежней злости — скорее, упрямая попытка удержать хоть какую-то броню между собой и правдой, которую все и так видели.

Сайс закончил с лошадьми и обернулся. В его взгляде не было ни насмешки, ни упрёка — только усталость человека, который слишком много знает и потому не хочет лишний раз ранить словами.

— Я волнуюсь об Анне не меньше твоего, — произнёс он ровно, но в этой ровности слышалась тяжесть. — Как лекарь я против её затеи. Ей нужен покой, хорошее питание, отдых и как можно меньше стресса. Но как её близкий друг, почти брат, я поддержу её во всём.

— Ну конечно, — снова фыркнула Нина, но теперь в этом звуке сквозила не злость, а скорее обида на саму невозможность всё исправить.

— Не нужно осуждать и винить, — продолжил Сайс и направился к своей лошади, но на полпути снова остановился, будто слова не давали ему просто уйти в привычную рутину. — Хорошенько подумай: почему она не хочет возвращаться? Не потому ли, что в первую её беременность её отравили? Она потеряла дитя и сама едва не умерла.

— Такого больше не повторится, — тут же отозвалась Нина, выпалила эти слова, как щит, но в голосе не было той твёрдой уверенности, которую ей хотелось бы слышать самой. Как бы она ни отрицала, как бы ни клялась, что теперь всё будет иначе, риск всегда будет висеть над Анной, как остриё над натянутой нитью. Таков удел тех, кто стоит у власти — их бремя, их плата за большую силу.

— Как бы мы ни старались уберечь её от всех невзгод, самый страшный враг всегда будет оставаться рядом с ней, — Сайс снова обернулся к Нине и коснулся пальцем виска, словно показывая, где прячется настоящая опасность. — Этот враг живёт здесь. Это страх. Порой он бывает самым сильным и самым опасным из всех возможных врагов. Я был тем, кто нашёл её тогда… лежащую на полу, в луже собственной крови… Я понимаю и даже разделяю её страх.

Лекарь ненадолго замолчал, и тишина в конюшне стала густой, почти осязаемой. Нина и Тавер тоже хранили молчание. Тавер знал о той трагедии лишь по рассказам — в тот момент его ещё не было в Аркахалле, и потому он не мог ни добавить, ни опровергнуть, ни даже по-настоящему прочувствовать всю глубину той боли. Ему оставалось только стоять и слушать, чувствуя себя одновременно лишним и отчаянно нужным.

— К чему я веду, — Сайс встряхнул головой, словно сбрасывая с себя тяжёлые воспоминания, и голос его снова стал ровным, деловым, но от этого не менее искренним. — Вместо того чтобы сейчас ругаться с ней и выводить на негативные эмоции, лучше поддержать и помочь. Я не говорю, что нужно слепо следовать за ней в огонь. Но быть рядом и мягко, осторожно прикрыть, когда станет слишком жарко, — это мы точно в силах.

Когда в конюшню вошли Анна и Ферухе, все лошади уже стояли оседланные и готовые к дороге, а люди, собравшиеся здесь, хранили непривычную, собранную тишину. Казалось, что недавняя ссора растворилась, будто её и не было вовсе — не из-за забывчивости, а из-за того, что перед лицом общего пути мелкие обиды становились просто лишними.

— Едем, — коротко, без лишних слов приказала Анна, и в этом приказе не было ни резкости, ни гнева — только спокойная, выверенная решимость. — Чоксо и Луна нас заждались.

Все, не сговариваясь, сделали вид, что никакой ссоры и вовсе не было. Не потому, что забыли, а потому, что знали: впереди их ждёт нечто куда более серьёзное, чем собственные обиды. И сейчас важнее было держаться вместе.

***

Эрадос, столица царства Эрадараса, встретила путников сумерками, густыми и тяжёлыми, будто небо само решило набросить на город мокрый, серый плащ. Моросящий дождь лился без злобы, но с упорством — мелкие капли оседали на плащах, стекали по лицам, забирались за воротники, и в этом неприятном, липком холоде чувствовалась какая-то равнодушная, почти механическая враждебность большого города, не привыкшего к чужакам.

Заплатив страже положенную пошлину, группа въехала в город сквозь массивные ворота — громадные, из тёмного дерева, прошитые железными полосами так плотно, что казалось, сами доски уже не помнят, из чего они сделаны. Ворота глухо скрипнули, пропуская их внутрь, и этот скрип прозвучал как предупреждение: здесь чужие голоса звучат тише, а чужие планы — хрупче.

— Простите, уважаемый, а как нам проехать в заведение дядьки Солода? — спросила Анна у стражника, стоявшего у ворот.

Тавер бросил на неё короткий, настороженный взгляд и нахмурился. Он-то был уверен, что цель их приезда — личная встреча с царём, официальная аудиенция, протокол и все те громоздкие условности, которыми окружены правители. Но Анна, как всегда, шла своей дорогой, и у неё явно имелся какой-то иной, пока скрытый от всех план. Телохранитель перевёл взгляд на Чоксо, словно надеясь прочесть ответ в его бесстрастном лице, но напарник, как и следовало ожидать, не спешил ни объяснять, ни подсказывать. Со временем Тавер уже почти привык к этой своей роли — роли стороннего наблюдателя, которому доверяют лишь охранять спину, но не посвящают в замыслы.

— Это вы хорошо придумали, — добродушно отозвался полноватый стражник, поправляя кожаный нагрудник. — У дядьки Солода сейчас тепло, сухо и есть вкусный облепиховый чай. С ним не пропадёшь. А вы впервые в столице?

— Впервые, — спокойно подтвердила Анна, не моргнув глазом. — Сами мы не местные. У сестры на свадьбе были, вот и решили через столицу проехать. Там нам про это место и сказали.

Нина и Ферухе переглянулись с лёгким недоумением и плохо скрытым недовольством: Анна и стражник говорили не на общем языке, а на местном наречии, резком и певучем одновременно. Они не понимали ни слова и только изредка ловили отдельные интонации, по которым пытались угадать, о чём идёт речь. Сайс, заметив их растерянность, тихонько, почти шёпотом, переводил им отдельные фразы, стараясь не привлекать лишнего внимания.

— Это да, столицу хоть раз да посетить надо, — снова покивал стражник и, не отказывая себе в удовольствии поболтать, подробно объяснил, как добраться до таверны дядьки Солода. Напоследок он кивнул в сторону Луны и добавил уже с отеческой заботой:

— Занятная у вас собачка. Но вы бы её на поводок привязали. У нас за бродячими псами следят строго, отлавливают и уводят. Не хотелось бы, чтобы такую красавицу забрали.

— Спасибо, что предупредили, — искренне поблагодарила Анна, и в её голосе прозвучала не просто вежливость, а настоящая благодарность человеку, который хоть немного облегчил им путь в этом чужом, неприветливом городе.

Стражник довольно улыбнулся, поглаживая длинные, закрученные усы, и, махнув на прощание рукой, скрылся в сторожевой будке, где уже пахло горячим чаем и сырыми дровами.

Чоксо молча достал из сумки ремень и кусок верёвки. С этим нехитрым скарбом он направился к Луне. Волчица сразу поняла, что вакхалиец идёт к ней не играть и не гладить по загривку. Её янтарные глаза настороженно сузились, она начала тихонько пятиться, не отводя взгляда, будто пыталась просчитать, в какой момент он сделает резкий выпад.

Когда Чоксо одним быстрым, точным движением накинул на её шею ремень, Луна недовольно зарычала, низко наклонив голову, и замотала мордой, пытаясь сбросить эту унизительную упряжь. Поняв, что так просто избавиться от ремня не выйдет, она сменила тактику: рык стал глубже, злее, почти утробным, она опустила голову ещё ниже и обнажила клыки, глядя на Чоксо с той самой холодной яростью, которая бывает только у зверей, защищающих свою свободу.

Вакхалиец смотрел на неё, чуть прищурившись, но не делал ни единого лишнего жеста и не произносил ни слова. В этом молчании было что-то древнее, первобытное — будто два хищника замерли друг против друга, проверяя, кто первым отведёт взгляд. Остальные стояли чуть поодаль и с напряжённым любопытством наблюдали за этим молчаливым противостоянием, в котором решалось не просто, удастся ли привязать волчицу, а кто здесь сильнее духом.

— Луна, — одного этого слова, тихого, но твёрдого, оказалось достаточно, чтобы волчица тут же опустила вздыбленную шерсть и расслабилась. Она перевела на Анну взгляд, полный укоризны и почти человеческой обиды, будто хотела сказать: «Ну вот зачем ты позволяешь с собой так обращаться?»

— Ну-ну, девочка моя, так надо. Потерпи немного, — мягко проговорила Анна, и в её голосе звучало не приказание, а просьба, обращённая к близкому существу.

Луна ещё немного поворчала — скорее для вида, чтобы сохранить достоинство, чем от настоящей злости, — и безропотно позволила Чоксо повести себя дальше. Но сдаваться просто так она, конечно, не собиралась. Когда они поравнялись с широкой, мутной лужей, волчица вдруг резко прыгнула в неё, взметнув целый фонтан грязной воды и брызг, которые с ног до головы окатили вакхалийца.

Свита Повелительницы не выдержала — раздался дружный смех, искренний, тёплый, разгонявший промозглую сырость вечера. Сама Луна, довольная своей маленькой местью, спокойно пошла дальше, будто ничего особенного и не случилось, а этот мокрый спектакль был всего лишь частью её законных прав.

Когда Чоксо, уже изрядно перепачканный, снова взгромоздился на лошадь, отряд двинулся дальше. Стражник так подробно растолковал дорогу, что нужное место они отыскали быстро, не плутая по тёмным, петляющим переулкам.

Таверна «У дядьки Солода» манила к себе, как маяк в ненастную ночь: из окон лился яркий, золотистый свет, а по улице плыли такие густые, аппетитные запахи, что у всех невольно заурчало в животах. Казалось, сама таверна шептала: «Заходите, здесь тепло, здесь сытно, здесь можно хоть ненадолго забыть о дороге».

Оставив коней под присмотром Луны — та уселась неподалёку, гордо и внимательно оглядывая округу, словно брала на себя обязанности стража, — компания вошла внутрь.

Внутри таверна оказалась удивительно похожей на ту, где они останавливались раньше: те же грубоватые, но добротные столы, те же лавки, сколоченные на совесть. Даже хозяин за стойкой напоминал прежнего — такой же крепкий, с живыми глазами и лёгкой усмешкой,

будто знал какую-то приятную тайну. Но запахи здесь были особенные: к тёплому аромату печёного хлеба примешивался густой дух жареного мяса, пряных трав и чего-то ещё, домашнего, уютного. Неудивительно, что зал был почти полон: люди сидели тесно, разговаривали негромко, смеялись вполголоса, и в этом шуме чувствовалась особая сплочённость тех, кто ищет укрытия от непогоды.

Ещё одним приятным открытием стала чистота: пусть мебель и не блистала роскошью, но всё было опрятным, выскобленным, будто хозяин лично следил за каждой доской.

Компания разделилась. Пока Тавер, Сайс, Нина и Ферухе с трудом отыскали едва ли не последний свободный столик и расселись, стараясь не мешать соседям, Анна вместе с Чоксо направилась прямиком к хозяину.

— Доброго вечера, — приветливо сказала Анна.

— И вам не хворать, сударыня, — весело отозвался мужчина, но в его улыбке мелькнуло что-то осторожное, едва уловимое.

— Чем вы можете согреть нас? — спросила Повелительница, стараясь говорить просто, без намёка на власть, чтобы не спугнуть эту уютную, почти домашнюю атмосферу.

К её удивлению, после этих слов лицо хозяина будто слегка потемнело, улыбка сползла, и он стал сдержаннее. Анна переглянулась с Чоксо: они говорили на общем языке, и вакхалиец всё понимал, но, как и она, не мог взять в толк, что именно так резко изменило настроение мужчины.

— Есть сливовица и пиво, есть облепиховый чай, куриный бульон как раз подоспел, — перечислил хозяин, и теперь в его голосе звучала не радушие, а какая-то сухая готовность обслужить, не более.

— Первое нам не надо, а вот чай и бульон — самое то. И хлеб свежий есть? А то запахи у вас с ума сводят, — проговорила Анна, и в подтверждение её слов желудок громко, почти виновато заурчал.

Едва она уточнила, что алкоголя им не нужно, лицо хозяина снова просветлело, будто с него сняли невидимую тяжесть. Анна отметила это про себя: похоже, ему было важно именно это.

— Есть, конечно, — снова заулыбался он уже искренне. — И жареная свинина тоже.

Пока Анна договаривалась о заказе, Чоксо негромко и внимательно осматривал зал, скользя взглядом по лицам, по тому, как люди сидят, о чём шепчутся, кто смотрит в их сторону, а кто старательно делает вид, что не замечает новых гостей.

Заказ ушёл на кухню, а в руки Анны легла чашка с горячим, ароматным чаем. Он и правда оказался необыкновенно вкусным — не зря стражник хвалил дядьку Солода.

— Ох и вкусный у вас чай, дядька Солод, — с искренним удовольствием похвалила Анна.

— А то! У дядьки Солода всё вкусно, — беззлобно, по-хозяйски похвастался тот.

— А ещё я слышала, что дядька Солод может найти любого человека в городе, — небрежно, будто между делом, обронила Повелительница. Это и было главной причиной, по которой они пришли именно сюда.

— Смотря кто говорит, — коротко отозвался хозяин.

На первый взгляд, в его поведении ничего не изменилось: тот же лёгкий прищур, та же привычная улыбка. Но острый взгляд Анны не пропустил мелькнувшую в его глазах настороженность. Не простой человек этот дядька Солод, ох не простой…

— Добрые люди говорят, — произнесла Анна условную фразу, тихую, но значимую.

— Имя, — просто и без лишних слов сказал мужчина.

Анна достала из сумки небольшой лист бумаги и протянула ему. Хозяин взял его, быстро пробежал глазами и тут же куда-то направился, на ходу бросив листок в огонь. Пламя жадно лизнуло бумагу, и она исчезла, будто её и не было.

Анна и Чоксо, прихватив свои чашки, вернулись к остальным за стол.

— Я так понимаю, мне снова никто ничего не объяснит? — ворчливо, но без настоящей обиды проворчал Тавер.

— Какой смышлёный мальчик, — поддразнила его Нина, отсалютовав чашкой с чаем.

Между советницей и телохранителем тут же завязался шутливый спор, а Ферухе, как всегда, пыталась их примирить, мягко урезонивая обоих. Анна же сидела чуть в стороне, молча наслаждаясь горячим чаем и редкой минутой, когда можно было просто быть, не принимая решений, не отдавая приказов, не взвешивая каждое слово.

Вскоре им принесли заказ, и все, забыв про споры и тревоги, принялись за еду. В этот миг даже будущее казалось не таким пугающим, а дорога — чуть менее длинной.

Где-то спустя час в зал вошёл ещё один посетитель. В нём не было ничего примечательного — такой же промокший до нитки путник, как и все, кто искал укрытия от дождя. Он стряхнул с одежды капли, но капюшон не снял — тот по-прежнему скрывал лицо, отбрасывая глубокую тень. Незнакомец направился прямиком к стойке, где стоял хозяин таверны.

Из-за этого капюшона невозможно было даже угадать, мужчина это или женщина. По очертаниям фигуры казалось, что всё-таки мужчина, хотя Анна прекрасно знала: в Аркахалле встречались женщины, чьи плечи и стать могли затмить многих воинов.

Перекинувшись с дядькой Солодом парой коротких фраз, незнакомец развернулся и пошёл прямо к столику, за которым сидела Анна со своей свитой. Мужчины в их компании тут же подобрались, движения стали тише, незаметнее — и в то же время каждый из них едва ощутимо положил руку на рукоять оружия.

Незнакомец замер у их стола. Анна, которую тепло еды и чая почти убаюкало, медленно подняла на него сонные, но мгновенно прояснившиеся глаза.

— Погода нынче шутить изволит, — прозвучал из-под капюшона низкий, чуть хрипловатый голос.

— Шутки природы, — спокойно ответила Анна, будто это была самая обычная беседа двух усталых путников.

— Идите за мной, — буркнул он и тут же развернулся, двинувшись к выходу. Он даже не обернулся, чтобы проверить, последуют ли за ним, — будто заранее знал, что так и будет.

И Анна, а следом за ней и вся её свита, послушно поднялись и пошли за ним. У самых дверей Повелительница на мгновение задержалась и обернулась. Дядька Солод, стоявший у стойки, едва заметно улыбнулся и кивнул ей на прощание. «Хваткий и умелый человек, — мелькнуло у Анны в голове. — С таким я бы с удовольствием работала».

Незнакомец ждал их у коновязи. Не говоря ни слова, он отвязал одну из лошадей и с ловкостью, выдававшей в нём опытного наездника, ласточкой взлетел в седло. Замерев, он молча наблюдал, как Анна и её люди рассаживаются по своим лошадям. Но вот чего он точно не ожидал, так это того, что огромная, перепачканная грязью зверюга, привязанная неподалёку, тоже принадлежит этой компании.

— Что это ещё за тварь? Обязательно тащить её с собой? — рявкнул мужчина, а потом, отвернувшись, пробормотал куда-то в сторону, уже тише: — Мало того, что пришлось тащиться за ними посреди ночи под дождём, так ещё и это…

— Как ваше имя? — спокойно спросила Нина, будто не замечая его раздражения.

Мужчина резко обернулся.

— Моё имя не должно тебя волновать, — грубо отрезал он.

— Потише, парень, не нужно нарываться на неприятности, — тут же осадил его Тавер, голос его звучал ровно, но в этой ровности слышалась сталь.

— Ты явно пожалеешь о своих словах, когда узнаешь, кто перед тобой, — тихо, почти шёпотом добавил Сайс, но все всё равно услышали.

— Мне плевать, — буркнул незнакомец, хотя в голосе его уже не было прежней уверенности.

— А зря, — с лёгкой усмешкой протянула Нина.

— Довольно, — жёстко оборвала перепалку Анна. Её голос прозвучал как щелчок бича — коротко, властно, не терпящий возражений. — Присутствие «собаки» не обсуждается. Делай то, что тебе приказали.

Тон Повелительницы был таким, что сопровождающий больше не решился спорить. Он лишь дёрнул поводья, и его лошадь двинулась вперёд, унося всадника в темноту, туда, куда ему было велено вести этот отряд.

***

Сопровождающий привёл их к массивному каменному особняку — громаде, чьи очертания тонули в ночной тьме и серой пелене дождя. Разглядеть детали здания не было ни малейшей возможности: непогода скрадывала линии, прятала резьбу, сглаживала углы, превращая дом в угрюмый монолит. Да и подъехали они не к парадному входу, а к задним воротам — тем, что предназначались для слуг и подвоза припасов. Так что ни названия улицы, ни даже характера района разглядеть не удалось.

Проводник, будто нарочно, вёл их самыми запутанными тропами: по тёмным закоулкам, мимо глухих заборов, через узкие проходы, где едва разминулись бы две повозки. Казалось, он специально старался, чтобы никто не смог запомнить дорогу — то ли из осторожности, то ли в отместку за прежние стычки. В итоге местность слилась в сплошную череду размытых теней, и даже Чоксо, обычно безошибочно считывавший пространство, лишь хмурился, не в силах составить в голове хоть сколько-нибудь ясную карту.

— Лошадей оставьте здесь, — буркнул проводник, первым спешившись и заводя своего коня в одноэтажное строение неподалёку.

Как и следовало ожидать, это оказалась конюшня — просторная, ухоженная, рассчитанная на добрый десяток лошадей. Внутри было сухо, чисто, пахло сеном и конским потом, но без той затхлости, что бывает в запущенных местах. Видно было, что работники не ленятся: пол подметён, стойла вычищены, кормушки полны. Чоксо обвёл помещение одобрительным взглядом — в таких местах сразу видно, как здесь относятся к животным.

— Идёмте, вас уже ждут, — снова буркнул проводник, когда остальные, спешившись, с любопытством оглядывались по сторонам. — И эту свою собаку лучше оставьте тут.

— Кажется, я уже озвучила решение по этому поводу, — строго, без тени сомнения произнесла Анна.

— Вы собираетесь тащить эту зверюгу в дом?! — не выдержал мужчина, голос его сорвался на резкий, почти испуганный тон.

Луна тут же отозвалась низким, утробным рыком. Она медленно, без лишней суеты надвинулась на проводника, и в этом движении не было угрозы ради угрозы — только холодная, расчётливая готовность действовать. Мужчина попятился, инстинктивно хватаясь за меч, висевший под плащом.

— Только попробуй — и она тут же вцепится в твоё горло, — спокойно, почти буднично предупредил Тавер. — Если мой клинок не достанет тебя первым.

Мужчина замер, метнув быстрый взгляд на телохранителя. Но если Тавер внушал опасение, то Луна пугала по-настоящему — в её янтарных глазах читалась абсолютная, звериная решимость.

Из-за спины Тавера вышла Анна. Не торопясь, без показной храбрости, она подошла прямо к Луне и положила ладонь на огромную голову волчицы. Маленькая рука Повелительницы почти утонула в густой шерсти, но в этом жесте была такая уверенность, что даже воздух вокруг будто стал тише.

— Нас, кажется, уже ждут, — мягко, но твёрдо напомнила она.

Под её ладонью Луна мгновенно успокоилась — шерсть перестала топорщиться, рык стих, хотя взгляд по-прежнему не отпускал проводника. Тот нервно сглотнул. Поворачиваться

к этому зверю спиной было откровенно страшно, но и стоять столбом дольше было нельзя. Собравшись с духом, он всё же развернулся и, стараясь не делать резких движений, повёл их дальше.

Едва вся компания переступила порог и оказалась в просторном холле особняка, как с лестницы, ведущей на второй этаж, раздался звонкий, радостный крик:

— Госпожа!

Анна с лёгкой улыбкой наблюдала, как по ступеням стремительно сбегает красивая девушка в дорогом платье — лёгкая, стремительная, будто сама радость обрела форму. Не сбавляя скорости, она бросилась к Повелительнице и заключила её в объятия, на мгновение забыв обо всех церемониях. Анна обняла её в ответ, крепко, по-родственному.

Но тут же девушка, словно опомнившись, резко отскочила назад и низко, почти до пола, поклонилась.

— Приветствую вас, светлейшая.

Проводник, наблюдавший эту сцену, застыл, будто наткнувшись на невидимую стену. В его глазах читалось неподдельное изумление: он никак не ожидал, что хозяйка этого дома — женщина, явно знатная и влиятельная, — будет так искренне, так безоглядно радоваться этим людям и почтительно склоняться перед Анной.

— А я ведь говорила, — тихо, с насмешливой улыбкой протянула Нина, глядя на него с почти дружеской издёвкой. Затем она повернулась к хозяйке дома и, чуть склонив голову, спросила: — Милая, скажи, где ты такого негодяя себе нашла?

— Наставница, вы о чём? — удивлённо спросила девушка, в её голосе скользнуло лёгкое замешательство, будто она пыталась нащупать связь между сказанным и тем, что происходило вокруг.

— Да так, пустяки, — махнула рукой бывшая наложница, словно отгоняя назойливую мысль, и в этом небрежном жесте промелькнула тень какой-то давней, не до конца забытой истории.

Девушка опустила взгляд — и тут же её лицо озарилось тихой, почти трепетной улыбкой: перед ней стояла Луна, перепачканная дорожной грязью, но по-прежнему величественная.

— Позволите, светлейшая? — тихо спросила она, будто испрашивая дозволения на что-то очень личное.

— Конечно, — тёплой, искренней улыбкой ответила Анна.

Не обращая внимания ни на дорогое платье, ни на грязь, облепившую волчицу, девушка опустилась на колени прямо на каменный пол и крепко обняла зверя, прижимаясь к её боку, а потом склонилась к уху и стала что-то тихо шептать — слова, которых никто не мог разобрать, но в которых слышалась вся нежность мира. Луна, поначалу чуть насторожённая, постепенно расслабилась; её шерсть перестала топорщиться, а чёрный бархатный нос гордо задрался вверх, будто она принимала эту любовь как должное, но всё равно была ей рада.

— Ох, что же это я! — вдруг спохватилась девушка, резко вскочила на ноги, и в её движениях снова появилась та стремительность, с которой она сбегала по лестнице. — Вы же с дороги, наверняка устали, промокли до нитки! Скорее идите за мной — я провожу вас туда, где вы сможете отдохнуть. Баню уже растопили, там тепло и пар такой, что любая усталость слетает, как старая кожа.

— Баню нельзя! — резко, почти отрывисто бросил Сайс, и в его голосе прозвучала не властность, а тревога человека, который слишком хорошо знает цену чужой слабости.

Девушка удивлённо обернулась, в её глазах мелькнуло непонимание.

— Вернее… мы с удовольствием попаримся, — уже мягче, стараясь сгладить резкость, пояснил лекарь. — Но госпоже лучше обычную ванну — с тёплой, не горячей водой. Иначе из-за переутомления у неё может пойти кровь носом. Это не каприз, а простая осторожность.

— Ох, конечно, конечно, — поспешно закивала девушка, будто укоряя себя за то, что не подумала об этом раньше. — Стеран! — крикнула она, обращаясь к проводнику, и голос её вдруг стал властным, совсем не похожим на тот, каким она только что шептала Луне. — Отнеси воды в ванную гостевой комнаты. Скорее! Чего застыл?

Стеран, которого только теперь все узнали по имени, запоздало кивнул и метнулся прочь, растворяясь в полумраке коридора.

Ирида повела их дальше, и её шаги теперь звучали твёрже — в них появилась хозяйская уверенность женщины, которая отвечает за свой дом и тех, кто в нём оказался.

— Игнисс… — начала было Нина, но осеклась.

— Здесь меня зовут Ирида, — с лёгкой улыбкой поправила хозяйка дома, и в этой улыбке не было обиды — лишь мягкая просьба не тревожить старые имена.

— Ах да, прости, Ирида, — тут же подхватила Нина, и в её интонации прозвучала искренность, лишённая всякого лукавства. — А чей это дом?

— Мой и моего мужа, — просто ответила Ирида, будто этим коротким ответом снимала все лишние вопросы.

Нина и Ферухе обменялись быстрыми, понимающими взглядами — в них читалось: «Теперь многое становится на свои места». А вот Тавер по-прежнему ничего не понимал. У него мелькали кое-какие догадки, смутные, как тени на стене, но озвучивать их он не спешил: сперва нужно было убедиться, что это не просто игра воображения.

Ирида привела их на второй этаж, где располагались гостевые спальни — просторные, с высокими потолками и тяжёлыми шторами, приглушавшими уличный шум. Разместив всех по комнатам, она предложила лично проводить желающих в баню, а для Повелительницы уже приготовили ванную в смежной комнате. Стеран работал быстро и молча: вскоре в комнате для Анны стояла большая лохань, над которой вился лёгкий пар, а на скамье лежали чистые полотенца и льняная рубашка.

Решили, что в баню первыми пойдут Нина и Ферухе, потом — Сайс и Тавер, а Чоксо останется последним: он будет ждать, пока Тавер сменит его на посту. Анна же направилась в ванную. Она хотела поговорить с Иридой, задать несколько вопросов, которые не давали ей покоя, но усталость, копившаяся неделями, вдруг навалилась всей тяжестью. Едва она опустилась в тёплую воду, как веки стали невыносимо тяжёлыми. Мысли рассыпались, как сухие листья на ветру, и Повелительница уснула прямо в ванной — тихо, без сновидений, впервые за долгое время позволив себе просто быть, не думая ни о тронах, ни о врагах, ни о долге.

***

Утро ворвалось в комнату щебетом птиц — лёгким, звонким, почти нахальным, будто пернатые нарочно старались разбудить ту, кто имела право спать дольше всех. Анна открыла глаза — и тут же снова зажмурилась, словно от удара: яркий солнечный луч падал прямо на кровать, безжалостно выхватывая из полумрака каждую деталь.

Она помнила лишь обрывки вчерашнего вечера: как пыталась говорить с Иридой, но слова путались, язык тяжелел, а веки наливались свинцом. Помнила, как опустилась в тёплую воду — и провалилась в сон, глубокий и бездонный. А теперь она лежала в постели, чистая, переодетая, укрытая мягким одеялом. Значит, Ирида всё-таки не оставила её одну, помогла, переложила, укрыла… Но эти заботы теперь казались далёкими, почти чужими.

Сладко потянувшись, Анна села — и в тот же миг мир качнулся. Тошнота накатила внезапно, резко, безжалостно, скрутив внутренности тугим узлом. Вскочив с постели, она заметалась взглядом по комнате в поисках хоть чего-то подходящего. В отчаянной надежде заглянула под кровать — и едва не выдохнула с облегчением, увидев там ночную вазу.

Именно в этот миг в комнату вошла Ферухе, держа в руках кувшин с чистой водой.

— О боги, — выдохнула она, и в этом возгласе слились и испуг, и мгновенное понимание. Бросив кувшин на стол, девушка метнулась к госпоже.

Анну выворачивало долго, безжалостно, до изнеможения. Когда приступ наконец стих, Повелительница так и осталась сидеть на полу, устало прислонившись спиной к кровати, будто только эта опора не давала ей рассыпаться на части.

— Держи, — Ферухе протянула ей стакан с водой, прохладная влага скользнула по пересохшему горлу. — Сейчас позову Сайса.

Анна прополоскала рот, умыла лицо, стараясь смыть не только следы болезни, но и это унизительное ощущение собственной слабости. Вскоре Ферухе вернулась — и не одна: следом за ней в комнату вошёл Сайс. Лекарь остановился на пороге, и в его взгляде не было ни упрёка, ни осуждения — только спокойное, выстраданное понимание человека, который видел слишком многое.

— Так, — коротко бросил он, шагнул к своей сумке и принялся рыться в ней с той сосредоточенной деловитостью, которая появляется у врачей в критические минуты. Через мгновение он вытащил синий мешочек, развязал его и достал небольшой белый корешок. — На-ка, пожуй это пока. Я приготовлю настой. Феру, сделай ей завтрак — что-то лёгкое, нежирное.

Ферухе молча кивнула, схватила ночную вазу и выскользнула из комнаты, будто боялась потерять хоть секунду. Сайс помог Анне перебраться на кровать. Она послушно взяла корешок и начала жевать. Вкус оказался не таким уж отвратительным: терпкий, с лёгкой кислинкой, он будто собирал рассыпавшиеся чувства в одну точку. И тошнота действительно начала отступать, растворяясь, как утренний туман под солнцем.

Рука Анны сама собой легла на живот — ещё плоский, ничем не выдающий той тайны, что жила внутри. До этого момента она всё ещё пыталась убедить себя, что усталость и головокружение — лишь плата за долгий путь, за бессонные ночи и вечную гонку. Но утренняя тошнота… Она не оставляла места для самообмана.

— Не волнуйся, малыш, — еле слышно прошептала Анна, и голос её дрогнул, но не от слабости, а от той огромной, тихой решимости, что рождается в сердце матери. — Я сделаю всё, чтобы ты родился в безопасности.

В комнате повисла тишина, густая и тёплая, как будто само пространство решило прислушаться к этим словам. Где-то за окном всё так же щебетали птицы, но теперь их голоса звучали не как назойливый шум, а как обещание нового дня — дня, ради которого стоило бороться.

***

Стеран стоял, подпирая плечом стену малой гостиной, и исподволь наблюдал за незнакомцами. В груди ворочалось неспокойное чувство — смесь любопытства и тревоги. У него накопилась целая вереница вопросов, но главный из них, тяжёлый и неотступный, звучал просто: кто они такие? Почему хозяйка встретила их с такой искренней радостью, а потом строго-настрого приказала никому не говорить об их присутствии в доме?

Они явно были чужестранцами. Их черты — тонкие, выразительные, непривычные для этих мест — больше подходили людям с южных земель. Даже в спокойной неподвижности в них чувствовалась иная стать, иная порода. Жаль только, что язык, на котором они переговаривались, оставался для Стерана глухой загадкой — звуки скользили мимо, не складываясь в смысл.

Сейчас в комнате собрались не все: лишь трое — воин, молодой парень и женщина. Женщина бросила на него насмешливый, почти дерзкий взгляд и что-то тихо сказала парню; тот едва заметно усмехнулся. Воин же, не привлекая к себе внимания, следил за улицей — делал это так ловко и незаметно, что ни один прохожий не догадался бы, что за ним наблюдают.

«Странные они какие-то, — в который раз подумал Стеран, хмуря брови. — Как бы у хозяйки из-за них беды не вышло».

В комнату вошла Ирида, а следом за ней — немолодая служанка Шаиса, бережно державшая поднос с чайником и чашками. Стеран поклонился. Ирида ответила лёгким кивком и,

обратившись к гостям, произнесла несколько фраз на том самом непонятном языке. Ей ответила женщина; Ирида кивнула и тут же принялась помогать Шаисе расставлять чашки.

Наблюдая за хозяйкой, Стеран вдруг поймал себя на мысли: ведь и у неё те же черты — те же очертания скул, тот же разрез глаз, тот же оттенок кожи. Значит, она тоже с тех далёких земель? Связана с ними кровно или по какой-то иной, скрытой причине?

Дверь снова скрипнула, и в зал вошла… Стеран замер, будто в грудь ему ударили невидимым кулаком. Это был не пёс — никогда не был. Перед ним стояла белоснежная волчица, и глаза её сияли невероятной, почти неземной синевой. Вчера в полутьме, под дождём и грязью, он принял её за крупную, непокорную собаку. Теперь же, при дневном свете, зверь предстал во всей своей дикой, завораживающей красоте — умный, гордый, опасный.

А следом за волчицей в зал вошла и её хозяйка. При ярком свете дня Стеран смог разглядеть её как следует: невысокая, русоволосая, с лицом, в котором было больше силы, чем хрупкости. Но самым поразительным были её глаза — такие же насыщенно-синие, как у волчицы. Совпадение? Едва ли. В каждом её движении сквозила не просто грация — в них ощущалась власть, спокойная и непререкаемая, словно сама земля признавала её право стоять на ней твёрдо.

При виде девушки Ирида тут же склонилась в почтительном поклоне. Шаиса поспешила последовать её примеру. А Стеран не спешил опускать голову. Он стоял, сузив глаза, и вглядывался в незнакомку, не замечая, как все взгляды в комнате медленно, неотвратимо обращаются к нему. «Да кто она такая?» — молча кричал он про себя, и этот вопрос звенел в ушах, заглушая все остальные звуки.

Будто отвечая на его безмолвный вызов, Ирида повернулась к нему, и голос её прозвучал жёстко, как щелчок кнута:

— Стеран, — прошипела она, едва сдерживая раздражение. — Немедленно склони голову. Перед тобой сама Белая Волчица, Великая Анна Баладжар, Повелительница Аркахаллы.

Стеран рухнул на колени так стремительно, будто земля сама вылетела из-под его ног. Холодный пот змеёй скользнул по спине, пропитал рубаху, стянул кожу. В голове, словно в насмешку, вихрем закружились воспоминания — каждое его слово, каждый дерзкий взгляд, брошенный этим гостям, теперь казались непростительной, чудовищной оплошностью. Да разве он мог знать, перед кем смел держать себя так вольно?

Анна смотрела на сжавшегося у её ног мужчину с лёгкой, едва уловимой ироничной улыбкой. От вчерашнего наглого, неприветливого проводника не осталось и следа: перед ней был обычный человек, трясущийся перед властью, осознавший всю хрупкость своей дерзости. Но в этой улыбке таилась и тень недовольства: Анне не по душе пришлась та лёгкость, с которой Ирида раскрыла её личность перед этими людьми.

— Безопасно ли это? — спросила она на языке Аркахаллы, не сводя взгляда с Ириды.

— Не волнуйтесь, светлейшая, — тут же отозвалась девушка, и в её голосе звучала спокойная уверенность человека, который привык отвечать не только за себя, но и за тех, кто рядом. — Стеран и Шаиса служат именно мне, а не моему супругу. Оба связаны со мной долгом жизни. Они ни словом, ни действием не осмелятся ослушаться меня или выдать вашу личность кому-либо.

— Хорошо, — проговорила Анна уже на всеобщем, и от этой короткой фразы оба — и Стеран, и Шаиса — вдруг резко побледнели, будто услышали приговор. — Не хотелось бы в случае чего терять столь умелых людей.

Те, кто хорошо знал Повелительницу, без труда прочли в этих словах блеф — холодную, расчётливую игру, призванную закрепить в сознании слуг тяжесть их долга.

Анна опустилась в кресло — не устало, а с той собранной неторопливостью, которая бывает у людей, привыкших держать спину прямой даже в покое. Луна тут же устроилась у её ног, положив тяжёлую голову на лапы, но не сводя внимательных синих глаз с комнаты.

Шаиса, раздававшая чай, замерла в нескольких шагах от Повелительницы, скованная нерешительностью. Она не знала, как подойти, чтобы ненароком не потревожить зверя, не вызвать его рычания. Ирида, заметив заминку, молча взяла другую чашу и сама поднесла её госпоже. Шаиса бросила на хозяйку благодарный, почти умоляющий взгляд и, собравшись с духом, вручила чашку молодому лекарю.

— Я не знаю, рассказывала ли ты всем о своей жизни, — обратилась Анна к Ириде, чуть наклонив голову, словно приглашая к доверительной беседе. — Но я хотела бы услышать подробности. В письмах ты мало что говорила.

По привычке Анна протянула чашку Луне. У волчицы была одна редкая, почти мистическая особенность — она умела распознавать яд. Это открылось совершенно случайно: однажды, когда Повелительница уже собиралась поднести к губам стакан с водой, Луна вдруг глухо зарычала, а затем, к изумлению всех присутствующих, слегка укусила Анну за руку, вынуждая выронить сосуд. Такое поведение было совершенно не свойственно спокойной, бесконечно преданной хозяйке волчице. Сайс, заинтригованный этим происшествием, поднял стакан и исследовал остатки жидкости — в ней оказался яд. После нескольких осторожных экспериментов подтвердилось невероятное: Луна каким-то непостижимым образом чувствовала опасные вещества. С тех пор волчица стала одним из дегустаторов Повелительницы. А тех, кто стоял за попыткой отравления, ждала публичная казнь — и эта участь стала грозным предостережением для всех, кто мог помыслить о предательстве.

Сейчас Луна деловито понюхала край чашки. Никакой реакции не последовало: ни рычания, ни вздыбленной шерсти, ни резкого движения. Значит, пить можно.

Эта молчаливая проверка глубоко задела Шаису. В её взгляде мелькнули обида и уязвлённая гордость — будто сама её честность была поставлена под сомнение. Она бросила короткий, горький взгляд на Повелительницу, а затем — на свою добрую хозяйку. Но Ирида ничем не выдала, что происходящее её задело. Она знала историю госпожи, знала, сколько раз доверие оборачивалось лезвием у горла, и понимала: такое недоверие — не оскорбление, а суровая необходимость, выкованная в огне предательства.

— Вчера все были измучены дорогой и сразу разошлись по комнатам, — с лёгкой улыбкой ответила Ирида, будто извиняясь за то, что не успела уделить гостям должного внимания. — Я ни с кем толком и не поговорила. Да и рассказывать, честно говоря, особо нечего. Как вы знаете из писем, по прибытии в Эрадас я устроилась гувернанткой в дом вдовствующей баронессы Шипаловой. Там и познакомилась с её племянником — Фетором Насским. Он пленился моей красотой и уже спустя два месяца сделал предложение. Так я и стала маркизой Насской.

Нина, до этого хранившая молчание, тихо, почти беззвучно хихикнула — так, будто вспомнила какую-то давнюю, приятную шутку.

— У него просто не было ни единого шанса, — проговорила она, чуть приподняв бровь.

— Естественно, — самодовольно кивнула Ирида, и в её голосе прозвучала не гордыня, а скорее весёлая уверенность женщины, которая знает себе цену. — Я ведь училась у лучших.

Бывшая наложница отсалютовала своей ученице чашкой, и этот простой жест был наполнен особой теплотой — без показной торжественности, но с глубоким признанием. Ирида польщённо опустила глаза, пряча улыбку.

— Где сейчас твой муж? — спросила Анна, осторожно поднося чашку к губам.

Благодаря снадобью Сайса утреннее недомогание отступило, но она всё равно прислушивалась к себе с напряжённым вниманием — будто тело могло в любой миг выдать внезапную, бурную реакцию даже на самый безобидный напиток.

— Мой муж недавно был назначен министром торговли, — ответила Ирида. — Сейчас он принимает дела и ездит с инспекциями по всему царству.

И она принялась рассказывать о работе супруга, о сложностях, с которыми они столкнулись, о хитросплетениях дворцовых интриг и торговых интересов. Анна слушала внимательно, не перебивая, и не могла не признать: сведения были ценными, собранными не из слухов, а из первых рук, и могли пригодиться в самых разных обстоятельствах.

— Его не будет ещё как минимум три недели, — подвела итог Ирида. — Пока мужа нет, я распустила всех слуг на отдых. О вашем присутствии здесь не знает никто, кроме тех, кто сейчас находится в этой комнате.

— Ты имеешь доступ во дворец царя? — прямо спросила Анна.

— Если вам нужно что-то передать — только скажите, что именно, — понятливо кивнула Ирида.

Повелительница чуть вытянула руку, и Ферухе тут же вложила в неё запечатанный конверт. На плотной бумаге значилось имя получателя, но ни намёка на отправителя.

— Сможешь доставить это адресату? — спросила Анна.

Ирида взяла конверт, вгляделась в написанное имя — и на её лице не дрогнул ни один мускул, будто такие поручения были для неё привычным делом.

— Всё будет сделано в лучшем виде, — склонилась она в лёгком, почти небрежном поклоне, в котором, однако, чувствовалось искреннее обещание.

Поманив за собой Стерана и Шаису, хозяйка дома вышла из комнаты, оставив за собой едва уловимый шлейф духов и ощущение собранной, деловой энергии.

Тавер, который до этого сидел молча, вдруг резко хлопнул в ладоши — звук прозвучал неожиданно громко, будто рассекая воздух. Все невольно повернулись к нему.

— Примите мои самые искренние восхищения, светлейшая Повелительница, — он поклонился с преувеличенной, почти театральной учтивостью, а затем, выпрямившись, скрестил руки на груди, глядя на Анну с хитрой, усталой полуулыбкой. — И много у вас таких шпионов? В Хорте тоже есть? Конечно же есть.

— К чему эта ирония? — спокойно спросила Анна, не повышая голоса, но так, что в нём прозвучала лёгкая сталь. — Мы никогда не скрывали от тебя подготовку девушек.

— И то правда, — устало выдохнул Тавер и провёл ладонью по лицу, словно стирая с него эту насмешливую маску. — Что дальше? Будем сидеть и ждать, когда нам пришлют приглашение от царя?

— А зачем куда-то идти? — Анна опустила ладонь на голову Луны и принялась тихонько поглаживать густую шерсть. Волчица чуть наклонила голову, подставляя ухо под ласковое прикосновение, и в этом простом движении было столько доверия, что комната будто стала тише. — Он сам придёт к нам.

Глава 3

Этим вечером, когда город уже укутался в сумрак, а улицы опустели, к дому министра торговли, крадучись, словно тени, приблизились четыре всадника. Их силуэты едва угадывались в мерцании редких фонарей — будто сама ночь приняла их в свои объятия. Молчаливый Стран, будто сотканный из полумрака, бесшумно отворил заднюю дверь и провёл поздних гостей по узкому коридору, где воздух был густ от запаха старого дерева и пряной пыли. Они ступали почти беззвучно, но тишина здесь казалась живой — она прислушивалась, подмечала каждый вздох.

Малая гостиная встретила их приглушённой тишиной и скупым светом холла. Хозяйка дома, Ирида, появилась в проёме, словно вынырнув из сгустившихся теней. Её поклон был безупречен — низкий, почти ритуальный, но в нём сквозила не покорность, а холодная вежливость.

— Прошу следовать за мной, — проговорила она, и голос её лёг на тишину, как шёлковая лента на камень.

Гости двинулись за ней, и коридор будто сузился, сжимая их со всех сторон. Наконец, они оказались в комнате, где горела лишь одна свеча — жалкий язычок пламени, отвоевавший у тьмы крошечный островок света. В этом дрожащем круге таилась какая-то зловещая неполнота: он высвечивал лишь пол и край стола, оставляя остальное в непроглядной мгле.

Четыре фигуры, укутанные в тёмные плащи, шагнули внутрь, и ткань их одеяний поглотила даже тот скудный свет. В глубине комнаты, едва различимый в полумраке, стоял мужчина — неподвижный, словно изваяние. Черты его лица угадывались смутно, но в очертаниях скул и разрезе глаз читалось что-то знакомое: он был выходцем из Вакхалии, страны, где даже молчание имело вес.

Ирида снова склонила голову, и на её губах мелькнула улыбка — слишком безупречная, чтобы быть искренней.

— Прошу прощения, но Чоксо проверит, нет ли у вас с собой оружия. Мои гости должны быть уверены в своей безопасности, — произнесла она с той изысканной мягкостью, за которой пряталась сталь.

Один из прибывших резко вскинул голову, и в его голосе прорвалась досада, острая, как лезвие:

— Но кто даст гарантию нашей безопасности?

В ответ из темноты, откуда-то из-за спины Чоксо, прозвучал женский голос — спокойный, уверенный, будто он принадлежал самой тишине:

— Слова Повелительницы будет достаточно?

Пришедшие мгновенно напряглись, их плечи окаменели, пальцы невольно потянулись к скрытым клинкам. Свеча отбрасывала дрожащий свет, выхватывая из мрака лишь клочок пола, а говорившая оставалась вне этого круга — её голос витал в темноте, неуловимый, как сквозняк. В груди у каждого шевельнулся холодок: неужели их заманили в ловушку?

Из темноты донёсся странный звук — лёгкий, едва уловимый цокот, будто когти скользнули по каменному полу. И вдруг в круг света шагнул огромный зверь. Его шерсть отливала белизной, словно снег в лунном свете, а глаза горели пронзительным синим огнём. Волк низко склонил голову, не сводя с гостей пристального взгляда, в котором не было ни ярости, ни любопытства — только холодная оценка.

Кто-то из пришедших невольно попятился, а рука первого говорившего метнулась к поясу, пальцы сомкнулись на рукояти.

— Не нужно делать резких движений, — снова прозвучал тот же женский голос, ровный, как течение реки. — Она не станет атаковать, если в этом не будет необходимости.

Из мрака, будто выступив из самой тени, появилась невысокая женщина — скорее даже девушка. Её наряд был непривычен для этих мест: строгий, лишённый кружев и вышивки, будто скроенный для дороги или битвы. Волосы скрывал тёмный покров, и только линия подбородка да тонкий профиль выдавали её юность. Она остановилась рядом с волчицей и, не торопясь, положила руку на её голову, мягко почесав за ухом. Зверь чуть прикрыл глаза, будто принимая эту ласку как должное.

Второй незнакомец, до этого хранивший молчание, вдруг хлопнул в ладоши — звук прозвучал неожиданно громко в этой густой тишине. Он откинул капюшон, и его лицо, открытое и почти весёлое, странно контрастировало с напряжённой атмосферой.

— Браво, Повелительница, вы сумели нас заинтересовать, — проговорил он, и в голосе его слышалось не раздражение, а азарт. — Убери оружие, Ваний. Если нам хотели бы навредить, то уже сделали бы это.

Первый говоривший, всё ещё хмурясь, медленно склонил голову и опустил руку, отпуская рукоять. Второй шагнул вперёд, рассекая мрак уверенным движением, будто сам свет хотел следовать за ним.

— Известная на весь континент Великая Анна Баладжар, она же Белая Волчица, тагир Варгалы, владелица Левинии, Повелительница солнечной Аркахаллы… — мужчина произнёс эти титулы медленно, словно пробуя каждое слово на вкус, и лёгким кивком сбросил со лба упрямый каштановый локон, будто стряхивал с себя лишнюю важность момента.

— Лестно, что сам царь Эрадаса, Аналисий Кошин, знает о моих скромных заслугах, — улыбнулась Анна, и в этой улыбке скользнуло что-то едва уловимое — не торжество, а скорее холодная уверенность человека, привыкшего к тяжести чужих взглядов. — Рада, что вы не отмахнулись от моего предложения.

— Кажется, вы даже не сомневались в этом, — хмыкнул царь, и в его голосе прозвучала не насмешка, а искреннее любопытство, приправленное долей восхищения.

— Вы ведь сами сказали, что моё имя сейчас известно многим, — спокойно отозвалась Анна, чуть склонив голову. — А мне ли не знать, как падки на любопытство сильные мира сего. Я всего лишь надеялась, что любопытство окажется сильнее осторожности.

— И всё же, какова истинная причина нашей встречи? — не отступал царь, вглядываясь в её лицо, будто пытался прочесть за вежливой улыбкой скрытые мотивы.

— Думаю, нам лучше пройти в другое место для беседы, — Анна сделала лёгкий жест рукой — не приказ, но и не просьба; движение, которое само по себе диктовало условия.

Царь Аналисий не стал возражать. В его глазах мелькнуло то самое нетерпение, что бывает у человека, стоящего на пороге важной тайны.

— Государь, — предостерегающе окликнул его Ваний, голос его звучал глухо, будто пробивался сквозь плотный слой тревоги.

Царь услышал, но лишь небрежно махнул рукой — жест, в котором было больше усталости от вечных предостережений, чем пренебрежения. Властелин этих земель был заинтригован, и эта интрига перевешивала любые сомнения.

Анна двинулась вперёд лёгкой, почти невесомой поступью, ни разу не обернувшись, чтобы проверить, следуют ли за ней гости. Казалось, она и так знала: они пойдут. Луна, бросив короткий взгляд на незнакомцев, бесшумно скользнула следом за хозяйкой, будто тень, обретшая форму. Царь шёл за Анной с едва заметной улыбкой, в которой смешивались азарт и лёгкая дерзость — будто он сам бросал вызов собственной осторожности.

А вот его сопровождающему вся эта затея по-прежнему была не по душе. Ваний хмурился, и тень недовольства ложилась на его лицо резкими линиями. Он решился на ещё одну попытку и, шагнув вперёд, крепко схватил царя за руку:

— Государь, разумно ли это? Мы не знаем, что ждёт нас за этими дверями.

— Ваний, прекрати истерить, — голос Аналисия прозвучал неожиданно твёрдо, без раздражения, но с той стальной нотой, которая не терпит возражений. — Если бы от нас хотели избавиться, она не стала бы раскрывать своё инкогнито.

— А если это и не она вовсе? — не сдавался Ваний, в его голосе сквозила не просто тревога, а страх за того, кого он привык оберегать любой ценой.

— Хватит, — твёрдо отрезал Аналисий, сбрасывая руку советника, но тут же смягчил резкость жеста лёгкой усмешкой. — Я иду. И ты пойдёшь следом.

Ваний лишь крепче сжал губы. Он понимал этот взгляд царя — молодого, неженатого, ещё не уставшего от тяжести трона. Неудивительно, что молодая женщина, окутанная покровом тайн, заинтриговала его. Но интуиция шептала Ванию, что за этой интригой скрывается нечто большее, чем просто игра амбиций.

В гостиной, куда их привела Анна, уже ждали трое: две женщины и молодой парень. Комната была обставлена сдержанно, без показной роскоши, но в каждой детали чувствовалась власть — не кричащая, а спокойная, уверенная, как течение глубокой реки.

Повелительница неспешно опустилась в одно из кресел, словно занимала не мебель, а своё законное место. Двое стражей бесшумно встали за её спиной — тени, готовые стать бурей по одному её слову. Луна легла у её ног, положив тяжёлую голову на лапы, но глаза её оставались насторожёнными, сканируя каждого вошедшего.

Аналисий сел напротив, с любопытством оглядываясь по сторонам, будто пытался уловить невидимые нити, связывающие эту комнату с судьбами целых народов. Его люди, повинуясь негласной дисциплине, заняли позиции позади него, зеркально повторяя расстановку сил в комнате.

— Позвольте представить, государь, моих самых доверенных людей, — ровным голосом произнесла Анна, обводя взглядом своих спутников так, словно этим жестом давала им негласное разрешение быть настороже. — Нина, Ферухе, Сайс.

Аналисий медленно обвёл взглядом каждого из спутников Анны — словно пересчитывал не людей, а угрозы, прикидывая, сколько ударов придётся отразить, если разговор свернёт не туда. Затем он снова повернулся к Повелительнице, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на разочарование, будто он только что обнаружил, что редкая драгоценность оказалась подделкой.

— Итак, — начал царь, и голос его прозвучал неожиданно сухо, без прежней игривости, — позвольте узнать причину нашей встречи? Впрочем, у меня есть догадки, но хотелось бы услышать всё от вас.

Анна чуть наклонила голову — лёгкое движение, в котором не было ни покорности, ни вызова, лишь холодная готовность говорить прямо.

— Хорошо, не буду ходить вокруг да около. Ваши догадки, вероятнее всего, верны. Мне нужна помощь Эрадаса в войне с Астарином, — сказала она спокойно, без пафоса, будто просила не о судьбоносном союзе, а о чаше воды в жаркий день.

Царь усмехнулся и покачал головой — так взрослый качает головой, слушая наивные рассуждения ребёнка, который всерьёз верит, что может остановить бурю одним криком.

— «Светлейшая» — так ведь у вас принято обращаться к женщинам правящего рода? — уточнил он, и в этом вопросе сквозила не вежливость, а желание подчеркнуть дистанцию. После её едва заметного кивка он продолжил, разводя руками с нарочитой беспомощностью: — У нас с Астарином долгая совместная история. Более семидесяти лет из них — мир и сотрудничество. А Аркахалла… — он снова развёл руками, словно предлагая ей самой додумать невысказанное. — Сами понимаете, что портить отношения с ближайшим соседом в угоду вам, так сказать, не с руки. Я много слышал о вас. В основном — как о мудром правителе и дальновидном политике. Честно говоря, я даже разочарован.

Теперь настала очередь Анны усмехнуться — коротко, почти незаметно, так, что эту усмешку можно было принять за игру тени на лице. А вот её люди, напротив, потемнели

лицами: Нина стиснула зубы, Ферухе едва заметно подалась вперёд, а Сайс сжал кулаки, хоть и старался держать себя в руках. Им было невыносимо слышать, как с их Повелительницей говорят, будто с неопытной девчонкой, которую нужно мягко вразумить. Тавер и Чоксо бесшумно приблизились к Анне, встав чуть впереди, словно живые щиты. Стража царя тут же отзеркалила их движение — шаг в шаг, жест в жест, и воздух в комнате будто потяжелел от напряжения.

— Скажу честно, сначала вы меня заинтересовали, — продолжал царь, будто не замечая этой молчаливой схватки взглядов и поз. — Попасть в моё государство инкогнито, добраться до самой столицы, суметь подкинуть мне на стол своё приглашение… И всё это ради просьбы о помощи? Не понимаю, на что вы рассчитывали. Что я растаю от ваших красивых глаз и очаровательной улыбки? — Он на мгновение склонил голову, словно любуясь ею, но в этом жесте не было восхищения — только холодный расчёт. — Хотя, каюсь, устоять перед такой красивой женщиной тяжело. Я ведь до сих пор не женат. Или… в этом и заключался ваш план? Впрочем, я даже готов согласиться.

Ваний, который к этому моменту тоже сбросил капюшон, на миг потерял привычную невозмутимость: его брови взлетели вверх, а лицо на секунду стало почти комично удивлённым. Он тут же попытался вернуть маску спокойствия, но люди Анны успели заметить этот прокол — и в их взглядах мелькнуло злое удовлетворение: даже советник царя не верил в эту нелепую игру.

Но следующий вопрос царя заставил Сайса так сильно сжать кулаки, что побелели костяшки, а Нину — едва заметно вздрогнуть. При этом Анна осталась неподвижной, будто высеченной из камня.

— Вы ведь так и достигли власти в Аркахалле? Всего лишь влюбив в себя наследника Повелителя? — спросил царь, жадно наблюдая за её реакцией, и на губах его играла ядовитая усмешка, будто он уже видел, как эта стрела вонзается в её гордость.

Люди Анны едва сдерживали себя. Они привыкли к таким ударам, знали, что их Повелительница умеет держать лицо, но каждый раз, когда кто-то пытался смешать её заслуги с грязью, кровь кипела в жилах, требуя немедленного возмездия. Анна же не выказала ни единой эмоции. Она прекрасно понимала, что сидящий перед ней человек намеренно пытается вывести её из равновесия, сталкивая в ней гордость и долг, чтобы увидеть хоть какую-то слабость. И ещё она видела, как он сам себе противоречит: только что расхваливал её как мудрого политика, а теперь пытался унизить, сводя всё к интригам спальни.

— Армия Аркахаллы считается одной из сильнейших и наиболее многочисленных. По сравнению с вами Астарин слаб. И тем не менее вам нужна помощь? В таком случае я бы посоветовал вам сменить полководцев, но это, конечно, ваше дело, — царь поднёс к лицу чашку с чаем, понюхал напиток, будто проверяя, не подмешали ли в него яд, и снова поставил на столик, так и не сделав ни глотка. — Я могу выделить вам помощь. Но при одном условии. Вы станете моей женой. Ради Повелительницы Аркахаллы я ничего не сделаю, а вот ради жены… Подумайте, светлейшая. Я буду ждать ответа до завтрашнего заката.

В комнате повисла звенящая тишина. Анне вдруг стало почти жаль несчастного Вания: он выглядел так, будто вот-вот рухнет без чувств — лицо посерело, пальцы судорожно сжимали край плаща. Сама же Повелительница, в отличие от царя, спокойно сделала глоток чая, наблюдая поверх чашки за своим собеседником. В её взгляде не было ни возмущения, ни растерянности — только острый, беспощадный расчёт.

«Нужно как можно скорее узнать, что сейчас происходит на фронте, — думала она, удерживая на лице маску спокойствия. — Неужели у них действительно всё так плохо, что царь, даже не выслушав моих условий, делает такое предложение, уверенный, что я его приму? Или же он просто настолько глуп и слеп?»

Она на мгновение вспомнила о своём козыре, спрятанном в рукаве, и уголки её губ едва заметно дрогнули — но не от улыбки, а от холодной уверенности. Она всё больше склонялась ко второй версии.

Царь поднялся на ноги — движение вышло нарочито плавным, будто он репетировал его годами. С усмешкой, прилепившейся к губам, словно маска, он склонился перед Анной, не столько в поклоне, сколько в демонстративном жесте превосходства. Затем, неспешно обведя взглядом её людей, он задержался на Ириде — чуть дольше, чем требовали приличия.

— Нужно внимательно смотреть, на ком женятся мои министры, — произнёс он, будто размышляя вслух, но в этих словах звенела отчётливая угроза, тонкая, как лезвие кинжала, скрытого в складках плаща.

Ирида ничем не выдала ни гнева, ни тревоги — её лицо оставалось гладким, словно высеченным из мрамора. Не зря она прошла школу Повелительницы, да ещё и под надзором Нины: там учили не просто держать удар, а превращать молчание в оружие.

Анна дождалась, пока царь приблизится к дверям — пока он уже почти поверил, что партия сыграна, что он поставил мат одним дерзким ходом. И лишь тогда она сделала свой выпад.

— Государь, — окликнула она негромко, но так, что звук будто врезался в воздух, рассекая его.

Царь обернулся — и в его взгляде плескалось торжество, почти мальчишеское ликование. Неужели он и правда вообразил, что она сейчас склонится, примет его абсурдное предложение, станет той самой покорной королевой, о которой шепчутся придворные?

Анна отставила чашку и поднялась. Она была невысока, куда ниже царя, и в этот миг казалась почти хрупкой. Но сила, исходившая от неё, не имела ничего общего с ростом или статью — она была как ледяной ветер, который не видишь, но кожей чувствуешь, как он пробирает до костей. На мгновение улыбка царя дрогнула, поблекла, будто её смыло внезапным порывом. Но он тут же взял себя в руки, расправил плечи, возвращая себе вид победителя.

— Позвольте в знак уважения дать вам встречный совет, — спокойно произнесла Анна, и её голос звучал ровно, без надрыва, но в нём уже звенела сталь. — Но прежде чем услышать его, послушайте следующее. Эрадас прекрасен. Его жители не зря славятся своей доброжелательностью и отзывчивостью. Пройдя этот путь, я и мои люди видели лишь добро.

От этих слов осанка царя стала ещё ровнее, будто всё это было его личной заслугой, плодом его мудрого правления. Он сел на трон меньше года назад, после смерти отца — молодой, с горячей кровью, с мечтами и амбициями, но и с той самой неопытностью, которая прячется за надменностью, как клинок — за бархатной обивкой. Анна видела это. Она знала, что сейчас разобьёт его уверенность в мелкие осколки — и сделает это не криком, а правдой, острой и безжалостной.

— И какая жалость, — продолжила она, и теперь её голос стал холодным, твёрдым, словно отлитым из чугуна, — что царь совсем не похож на свой народ. Он глух и слеп. Не слышит их мольбы о справедливости, не видит их страданий. И даже не догадывается, что его нагло водят за нос.

Брови царя сошлись на переносице, и от былой улыбки не осталось и следа — она растаяла, как утренний туман под палящим солнцем. Ваний зашипел, словно змея, и рванулся вперёд, но между ним и Анной тут же возникла белая волчица. Луна склонила голову, её синие глаза полыхнули ледяным огнём, а из груди вырвалось низкое, вибрирующее рычание — такое, от которого кровь стыла в жилах. Ваний замер, будто наткнувшись на невидимую стену, и не сводил испуганного взгляда с зверя.

Царь положил руку на плечо советника и мягко, но твёрдо потянул его назад. Ваний попятился, не отрывая глаз от волчицы, пока не упёрся спиной в грудь стражника.

— Странно, отчего же я ни разу не слышал о «страданиях» народа? — с вызовом бросил царь, и в его голосе уже не было прежней уверенности — только защитная злость, острая и неуклюжая.

Повелительница чуть повела плечом — лёгкий, почти небрежный жест, в котором читалось: «Ты и не мог услышать. Тебе не давали». Она знала, что он не верит ни единому её слову. И другого она не ожидала.

— Вы живёте в своём маленьком мирке, где всегда светит солнце, а ваши министры подают вам красивую, но лживую картинку. Но вы ни разу не проверили, соответствуют ли их слова действительности. А ведь король Астарина уже давно запустил свои руки в вашу казну. Вы не знаете, что жители приграничных с ним территорий теряют свои земли. Их просто забирают астаринцы. Платят министру, а тот отбирает владения у собственных людей за неуплату непомерного налога и стоимости аренды — и передаёт эти земли астаринцам.

— Что за бред?! — рявкнул царь, и голос его сорвался на резкий, почти мальчишеский тон, выдавая ту самую неопытность, которую он так старался скрыть.

— Это реальность! — резко осадила его Анна, и в её голосе зазвенела такая сила, что даже пламя в подсвечниках будто притихло. — Уже более шестнадцати семей потеряли всё из-за этой схемы. Всё, что у них было: дома, поля, последние остатки еды. Они остались на улице, без крова и надежды.

— Слушайте, я не намерен выслушивать эту чушь…

— Ваши торговцы несут убытки, — голос Анны звучал ровно, но в каждом слове звенела острая, безжалостная правда. — Таможенный взнос составляет более пятидесяти трёх процентов от стоимости товара, а их прибыль — всего лишь один золотой. Муж Ириды, министр Насский, пытался донести это до вас, но что в итоге? Его вытурили, заявив, что доказательств недостаточно. Теперь он скитается по всему государству, собирая те самые улики, которые, скорее всего, никогда не дойдут до ваших ушей. Дайте угадаю, что твердили вам ваши умудрённые опытом министры? Что не стоит слушать молодого щенка, получившего должность благодаря заслугам отца?

Царь смотрел на Анну так, будто перед ним вдруг разверзлась бездонная пропасть. В его взгляде мешались удивление, злость и холодный, липкий страх. Откуда она всё это знает? Отдельные слухи ещё можно было счесть выдумкой, но ту самую фразу про «молодого щенка» ему бросили буквально пару дней назад в приватной беседе — в стенах, куда не проникал ни один посторонний взгляд и ни один чужой слух. Как она могла об этом прознать?

— Пусть, по-вашему, я всего лишь женщина, добившаяся власти через постель, — продолжила Анна, и в её голосе не было ни горечи, ни оправдания — только стальная твёрдость. — Но я борюсь за свой народ. Я в ответе за каждого человека в стране, которую поклялась защищать. Это долг любого государя.

— Я не верю ни единому вашему слову, — тихо, почти шёпотом произнёс царь, но в этой тишине прозвучала вся его растерянность, вся его попытка удержать ускользающую уверенность в собственной правоте.

— И я не виню вас в этом, — спокойно отозвалась Анна. — Ваш самый доверенный министр, тот, кто служил ещё вашему отцу, ничего вам не рассказывает. Не ругайте Ролшу слишком сильно: он всего лишь заложник ситуации. Что? Вы и этого не знаете? — она изобразила лёгкое удивление, но в нём не было насмешки — лишь холодная констатация факта. — Впрочем, это не моя тайна. А теперь — вот вам обещанный совет, государь: прислушивайтесь к своему народу. И ещё одно: ваша сестра уже три месяца находится в заложницах у короля Астарина.

— Ты врёшь! — рявкнул царь, и его кулаки сжались так, что побелели костяшки, будто он пытался удержать внутри себя ярость, готовую разорвать его изнутри.

— Зачем мне это, государь? — Анна чуть склонила голову набок, и этот лёгкий жест был страшнее любого крика: в нём сквозила абсолютная уверенность в своей правоте.

— Ты… — прошипел он, тыча в неё пальцем, словно хотел проткнуть эту невозмутимость, разбить её вдребезги. — Покиньте мою землю завтра же. Здесь вам больше не рады. — Он резко обернулся к Ириде, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на вину, смешанную с досадой. — А ты…

— Не стоит горячиться, — перебила его Анна, и голос её прозвучал мягко, но так, что спорить было бесполезно. — Девушка здесь совершенно ни при чём. Она лишь предоставила нам ночлег.

Царь снова повернулся к Анне, и в его глазах читалась борьба: между гордостью, яростью и тем самым страхом, что шевельнулся где-то глубоко внутри, стоило ей произнести имя его сестры.

— Мы сделаем так, как вы велели, — спокойно сказала Повелительница, и это спокойствие, эта непоколебимая уверенность только сильнее распаляли его гнев. — Но примите и мой совет: проверьте мои слова. И если вам понадобится моя помощь — просто скажите.

— Мне не нужна будет ничья помощь, — процедил царь, и каждое слово давалось ему с трудом, будто он выдавливал их сквозь стиснутые зубы. — Ведь все ваши слова — всего лишь наглая ложь. Покиньте столицу до заката.

На это Анна лишь чуть пожала плечами — лёгкий, почти небрежный жест, который взбесил царя ещё сильнее. Её невозмутимость казалась ему вызовом, насмешкой над его властью.

Анна с лёгкой улыбкой подняла руку и жестом указала на дверь — не униженно, не покорно, а так, словно сама даровала им право уйти. Рукав её платья чуть съехал, обнажив тонкую кожу предплечья, и на миг этот хрупкий, почти уязвимый изгиб руки странно контрастировал с той стальной волей, что исходила от неё.

Царь резко развернулся и направился к выходу, и его люди поспешили следом, будто боялись остаться наедине с этой женщиной, чьи слова били точнее любого клинка. Но двое из свиты задержались. Из-под глубоких капюшонов было не разглядеть лиц, но Анна кожей чувствовала их взгляды — тяжёлые, цепкие, будто они пытались выхватить из воздуха какую-то ускользающую деталь. Она могла бы поклясться, что эти двое за всю встречу не проронили ни слова — и именно это делало их особенно опасными.

Тавер и Чоксо бесшумно выдвинулись вперёд, закрывая Повелительницу собой, и Тавер с усмешкой, в которой не было ни капли веселья, бросил:

— Что такое, ребятки?

Но ответа не последовало. Вместо слов они резко развернулись и, не оглядываясь, покинули комнату.

Лишь когда за ними закрылась дверь, люди Анны наконец выдохнули — будто только сейчас позволили себе поверить, что буря миновала.

Анна нахмурилась и устало приложила ладонь ко лбу. Даже она сама не ожидала, что взорвётся вот так, обрушив на царя всю правду разом, без оглядки, без осторожных полунамёков. В её изначальных планах было действовать тоньше, осторожнее, раскрывать карты постепенно. Но слова вырвались сами, сметая все расчёты. Можно было, конечно, списать всё на гормоны, на усталость, на нервы — но она не хотела прятаться за такими оправданиями.

Нина тяжело опустилась в кресло, которое ещё недавно занимал царь, и посмотрела на Повелительницу с немым вопросом.

— И что будем делать дальше?

Анна чуть помолчала, собирая мысли, и наконец произнесла:

— Сделаем так, как велел царь. Если он не воспримет мои слова всерьёз, завтра мы покинем это место и двинемся дальше. Неприятно, конечно, потерять такую важную пешку на доске, но ничего не поделаешь.

Нина и Ферухе переглянулись. Они не ожидали, что Анна вот так просто отступит, если план не сработает. Они привыкли, что, если уж она за что-то берётся, то идёт до конца, ломая преграды, словно штормовые волны разбивают скалы. Чтобы она вот так сразу… Может, беременность и правда меняет её? Или же в этом и кроется её новая сила — умение вовремя отступить, чтобы ударить снова, когда враг меньше всего этого ждёт?

***

Царь Аналисий вернулся во дворец, словно буря, ворвавшаяся в тихий дом. Он мчался по коридорам, не замечая ни поклонов слуг, ни испуганных взглядов, будто сам воздух вокруг него раскалился от ярости. Добравшись до кабинета, он с грохотом распахнул двери — так, что одна из створок ударилась о стену и едва не сорвалась с петель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.